

Дарья Снежная

Ролл педд Рейвен
Том 1

18+

Дарья Снежная

Роли леди Рейвен. Книга 1

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Снежная Д.

Роли леди Рейвен. Книга 1 / Д. Снежная — «ЛитРес: Самиздат», 2018

В юности леди Эрилин Рейвен мечтала о том, о чем и положено мечтать леди: о балах, нарядах и удачном замужестве, которое случится, конечно же, по большой и светлой любви. Но косвенное участие почтенного виконта Рейвена в заговоре против короны поставило крест на всех этих мечтах, оставив его дочери выбор между двумя ролями: старой девы, мирно доживающей свой век за вышиванием и сплетнями, или жены торговца средней руки, из тех, кто мог бы польститься на ее титул и более чем скромное приданое. Впрочем, есть еще путь, но ведь леди так не поступают, верно? Двухтомник. Для обложки использованы изображения с бесплатного стока pixabay

Содержание

Роль 1. Любовница герцога	5
Роль 2. Эксперт-криминалист.	20
Роль 3. Сестра милосердия	36
Конец ознакомительного фрагмента.	38

Роль 1. Любовница герцога

– Благодарю вас, господа. Вы можете быть свободны.

Властный голос человека, привыкшего отдавать распоряжения с малых лет, перекрыл еле слышные шепотки еще не утихшего до конца собрания.

Бездонно черный взгляд герцога Тайринского, главы департамента по контролю применения магии, строго скользнул по подчиненным, остановился на мне и тут же сделался еще строже и тяжелее.

– Вас, леди Рейвен, я попрошу задержаться.

Зашумели отодвигаемые стулья. Мужчины со сдержанным гомоном взаимных прощаний и остаточных обсуждений двинулись к дверям. Я осталась сидеть с лицом досадливым и скорбным, чем несказанно порадовала господина Трейта, моего непосредственного начальника. Высокий и тощий, как жердь, первый криминалист одарил меня взглядом полным несомненного ликования, лишний раз убедив в том, что прямо перед собранием он беседовал с герцогом обо мне. И явно не премию любимой работнице выбивал!

Со мной тоже прощались. Кто-то раздраженно, кто-то вполне добродушно, но все – с неизменным снисхождением, от которого сводило зубы и хотелось с очаровательной женской неуклюжестью уронить им всем на ноги по тяжелому позолоченному подсвечнику. А некоторым – на голову.

Постепенно малая столовая герцогского особняка на Северной улице опустела. Нас покинули даже дворецкий и два лакея, бесшумно прикрыв за собой дверь. Герцог Тайринский, сидящий на противоположном от меня конца стола, откинулся на спинку стула, покачивая в пальцах бокал с вином. От его пристального взгляда по позвоночнику пробежали нервные мурашки.

Интересно, на что ему в очередной раз жаловался Трейт? На мой непрофессионализм? Отсутствие опыта? На то, что все женщины от Дьявола и нас лучше поскорее сжечь? Нет, конечно, не всех, господин первый криминалист человек неглупый! Некоторых придется оставить для продолжения человеческого рода. Но к их выбору стоит подойти крайне ответственно. А остальных – сжечь! И вообще к «разведению» женщин давно пора начать применять принципы селекции...

– Как вам ужин, леди Рейвен? – Низкий голос выдернул меня из размышлений о начальственном мировоззрении, но вопрос проскользнул мимо.

– Что? – переспросила я, вскинув голову.

– Ужин. – Герцог кивнул на стол, уже опустевший, за которым только что восседали работники криминалистического отдела.

– Вполне, благодарю, – благовоспитанно кивнула я. – Мои комплименты повару насчет форели. Но ему стоит поработать над десертом – слишком сладко.

– Леди не любит сладкое? – Линию губ тронула едва заметная усмешка.

– Леди не любит слишком, – поправила я и прекратила ломать комедию. – И вообще, чтобы заманить меня к себе вовсе не обязательно было устраивать этот цирк с совещательным ужином. Мог бы просто пригласить. Я бы приехала.

– Я учту. – Кьер тоже отбросил маску светской отстраненности и улыбнулся уже шире, в черных глазах мелькнули смешинки. – От женщин никогда не знаешь, чего ждать. Как утверждает один очень опытный человек, мнению которого я безгранично доверяю: «Все они – от Дьявола!».

Я мысленно поаплодировала себе за догадливость.

– Где жечь будешь? – невозмутимо уточнила я. – Прямо здесь или прогуляемся до площади Святого Талисия¹?

– К величайшему сожалению господина Трейта, на этот вечер у меня другие планы.

Казалось бы, голос звучал ровно, но все равно в животе сладко екнуло, а сердце застучало быстрее.

Кьер сделал глоток и поднялся. Массивный, широкоплечий, он двигался тем не менее с удивительной грацией. Грацией большой дикой кошки. Черногривый лев. Я видела как-то такого в зверинце. Огромный, со спокойным, полным собственного достоинства взглядом, поджарым телом и тяжелыми лапами, каждая – что моя талия в обхвате. Стучать по прутьям его клетки не решалась даже самые отважные сорванцы.

Ощущение, что я по самоубийственной глупости сую голову в пасть этому зверю, мелькнуло и пропало, когда герцог подал мне руку.

Я вложила пальцы в широкую ладонь и потянулась вверх вслед за приглашением. Хищно раздулись крылья носа, втягивая аромат моих духов, когда я оказалась прижата почти вплотную, и Кьер, помедлив мгновение, отступил на шаг.

– Мне нужно отлучится, отдать несколько распоряжений. Тебя проводят.

И, мимолетно коснувшись губами моих пальцев, он стремительно покинул столовую. Я прижала обласканную руку к груди и несколько раз нервно похлопала по ткани блузки, пытаясь утихомирить расшалившееся сердце. Так не годится. Леди должна оставаться леди. Безукоризненной. Отстраненной. Сдержанной. В любой, даже самой провокационной ситуации. Зря, что ли, маменька тратила силы и драгоценное здоровье на мое воспитание?

Знала бы она, конечно, в какой ситуации я ее воспитание помяну...

Улыбнувшись собственным мыслям, я вышла в коридор. Лакей в чопорной черной ливрее одарил меня полупоклоном.

– Миледи, прошу.

Меня проводили в гостиную и оставили в одиночестве. Интересно, как ее называли в доме? Зеленая? Изумрудная? Диваны и кресла обиты темным бархатом, на тяжелых портьерах – золотые кисти. Я выглянула в окно, несколько мгновений полюбовалась на ночную столицу, лежащую у подножия Королевского холма, как на дне пиалы, и снова вернулась взглядом к интерьеру. Камин с выпуклой объемной лепниной, над ним на полке – тяжелые литые подсвечники и огромное, до потолка, зеркало в такой же тяжелой раме. Все вокруг дышало роскошью и родовитостью.

Мне вспомнилась наша гостиная – единственная, а потому без названия – и губы снова сами собой расплылись в улыбке. Настолько чуждыми бы здесь оказались мамины фарфоровые статуэтки, кружевные салфетки и подушечки с бахромой.

Я направилась к камину, мимоходом проведя рукой по спинке кресла. Темное дерево, массивное, надежное, как и его владелец. Огромный анлиссский² ковер на полу, прекрасно глушащий шаги. Если бы кто-то вознамерился подойти со спины и стукнуть меня по затылку, ему даже не пришлось бы для этого сильно подкрадываться.

Мысль была противная, я на всякий случай оглянулась и вздрогнула всем телом – Кьер, которого мгновение назад в комнате не было, стоял в паре шагов от меня.

– Я тебя напугал. – Он шагнул вперед, протягивая мне бокал с солнечно-янтарным напитком.

– Нервный выдался день. – Я повела плечами, словно пыталась сбросить с них накопившийся груз.

¹ Главная площадь столицы, на которой сейчас казнят совершивших преступление против короны, а раньше сжигали ведьм.

² Анлиссия – восточная страна, славящаяся в первую очередь ткацкими и фарфоровыми изделиями.

– Это поможет.

Он кивнул на зажатый в пальцах бокал, который я машинально приняла, тут же про него забыв.

– Там успокоительное? – насмешливо уточнила я, поднося его к губам. Ноздри шекотнул медово-фруктовый аромат с легкими цитрусовыми нотками. Сотерн. Солнечное вино. Густая сладость, тающая на языке, прокатывающаяся по горлу теплым ярким комочком, дарующая мгновенное ощущение покоя и уюта.

– В какой-то степени.

Кьер наблюдал за тем, как я пригубила вино с заинтересованным прищуром. Кажется, он не до конца верил в мою решимость, и ожидал что вот-вот я спохвачусь, опомнюсь, схвачусь за голову, упаду в обморок и, не выходя из него, умчу домой к маменьке, занюхиваясь солями.

Откуда ему было знать, что, к величайшему сожалению моих дорогих родителей, привычки отступать среди моих достоинств (или недостатков) не водилось. У меня было время, чтобы взвесить все за и против, и я была не намерена больше предаваться этим пустым размышлениям, хоть внутри все звенело от волнения, напряжения и томительного ожидания.

Я вскинула глаза на герцога и прикусила нижнюю губу, слизывая с нее сладкие солнечные капли.

Приглашение было оценено по достоинству.

Несмотря ни на что, поцелуй все же застал меня врасплох. И он не был похож на те, которыми нам довелось обменяться раньше – случайные, обрывающиеся на полувдохе, после которых было тяжело смотреть друг другу в глаза и просто невыносимо находиться в одном помещении. Нет, сейчас все было по-другому. Он целовал меня, зная наверняка, что может свободно позволить себе не только поцелуй. И это было так... многообещающе.

Одна рука обвилась вокруг талии, с силой прижимая меня к нему, практически впечатывая в массивное, твердое тело. Другая скользнула в волосы, безнадежно руша прическу, упорно пробираясь сквозь нагромождение шпилек и локонов, чтобы обхватить затылок, лишить малейших путей к отступлению.

И я, никогда не выносившая даже малейшей мысли о том, что какой-то мужчина вне рабочих отношений, будет диктовать мне, что делать и подчинять меня своей воле, внезапно разомлела, как кошка, от исходящей от него ауры властности и силы. Выгнулась, подалась вперед, безоговорочно подчиняясь любым его желаниям. Находя именно сейчас небывалое упоение в том, чтобы быть слабой и беззащитной женщиной.

Бокал, снова забытый в руке, выскользнул из ослабевших пальцев и, расплескав вино по юбке, с мелодичным хрустальным звоном разбился о чугунную предтопочную плиту.

Кьер оторвался от моих губ, при этом не отстраняясь, так что шепот и теплое дыхание касались их почти, как поцелуи, только легкие и невесомые.

– Только приехала, а от тебя уже неприятности, Эри.

– С каких пор герцог считает неприятностью разбитый бокал?

Мне с большим трудом удавалось удерживать равновесие в такой позе, чтобы не повиснуть полностью на его руках, не цепляться за его плечи, как за спасательный круг, и сохранить хотя бы легкий налет независимости.

– Говорят, это к несчастью.

– С каких пор маг верит в приметы?

– С тех самых, как Дьявол дернул меня оставить тебя на этой работе. Говорил мне Стайн, женщина на королевской магической службе – быть беде.

Здесь сложно было с ним не согласиться, давненько уже департамент не был настолько бессилён поймать преступника. Но вслух я озвучила совсем другое:

– Для того, кто давно пытается зажать меня в темном углу, ты слишком много разговариваешь.

– О, нет, моя дорогая. – Кьер расплылся в улыбке, не так часто полностью озарявшей его лицо, а у меня от этого обращения ворох мурашек пробежал по позвоночнику и тягуче дернуло внизу живота. – Я просто умею не торопиться и получать всю выгоду из представившихся мне возможностей.

Я сдалась и расслабилась, полностью откидываясь на поддерживающие меня ладони, зная, что те не отпустят и не уронят. Герцог вернулся к прерванному занятию. Короткий поцелуй, легкий укус за нижнюю губу, и он спустился ниже, обжигаяще касаясь подбородка, тончайшей кожи на незащитно открытой шее, щекоча ее кончиками падающих на лоб черных волос. Он потянул за кончик банта, и темная плотная лента беззвучно стекла на ковер, открывая путь к спрятанным в кружеве пуговицам...

Только когда он ухватил меня за запястье, положив мою руку себе на шею, пришло внезапное осознание – я настолько увлеклась тем, что он и его прикосновения творят с моим телом и разумом, что совершенно забыла, что и сама могу двигаться и следовать собственным желаниям, а не только наслаждаться чужими.

И мне сейчас очень захотелось избавить Кьера от этого сюртука, расстегнуть рубашку. С первого дня нашей встречи мне всякий раз казалось, что этим плечам тесно в любом строгом одеянии. А еще было страшно любопытно, какова на ощупь эта неприступная махина, потому что поверх одежды он казался отлитым из стали или выточенным из цельного куска скалы.

Реальность оказалась куда приятнее – гладкая горячая кожа, перекатывающиеся под ней жесткие мышцы. И едва заметная внутренняя дрожь от моих прикосновений, точно такая же, какую вызывали во мне его.

Я прижалась к Кьеру грудью, выглянувшей в «декольте» расстегнутой блузки – тело к телу, кожа к коже – и герцог совсем негромко, но отчетливо зарычал мне в ухо, которое только что целовал. Пальцы впустую смяли ткань, безнадежно пытаясь добраться до меня сквозь застежки и корсет.

– Я хочу порвать на тебе эти тряпки, перекинуть через плечо и утащить в спальню.

– Что же тебя останавливает? – самонадеянно поинтересовалась я, уже прикидывая, какая картина предстала бы в таком случае оказавшейся в коридоре прислуге.

Кьер подначку оценил.

– Придется покупать тебе новые.

В черных глазах плясали бесовские отблески каминного огня – умопомрачительно красиво.

– Или я не смогу выйти из спальни, и тебе придется терпеть меня каждую ночь, – продолжала дразниться я, наслаждаясь своей маленькой властью здесь и сейчас.

– Не искушай меня, Эрилин. – Голос его резко сел.

– Хорошо, не буду. – Я демонстративно отстранилась, оправила сползший с плеча рукав, складки на юбке и принялась застегивать пуговицы.

Тут Кьер расхохотался. Я никогда не думала, что он умеет так смеяться. Совершенно искренне, легко, заразительно, так что мне даже пришлось скривить губы, чтобы самой удержать смех.

– Пойдем, – он протянул мне руку. – Идею с «через плечо» я оставляю как-нибудь на потом.

Я уже собиралась вложить пальцы в широкую ладонь, как машинально их отдернула – в дверь громко постучали.

– Милорд? Прощу прощения, милорд...

Кьер весь напрягся, на лицо набежала тень. Казалось, он еле сдержался, чтобы не запустить в дверь сгустком огня и не испепелить к чертям того, кто посмел вмешаться.

– Что? – От грозного рыка даже у меня похолодели кончики пальцев.

– Срочное послание из дворца, милорд. Его величество желает видеть вас прямо сейчас.

Самообладание и в этот раз герцога не покинуло, хоть и далось с огромным трудом. Это было заметно. Кьер на мгновение прикрыл глаза, глубоко и медленно выдыхая, и не открывая их, припечатал:

– Пусть подадут мою лошадь. Немедленно.

А затем он посмотрел на меня с немым вопросом во взгляде – стоит ли договаривать: «И экипаж для леди?».

Я шагнула к нему, коротко коснулась губ.

– Время уже позднее, вряд ли это надолго. Как бы кошунственно это ни звучало, короли – тоже люди, и они тоже спят. Я подожду тебя здесь, если ты не против.

– Ты божественна, – прошептал он, целуя меня в ответ. А затем торопливо отстранился и принялся заправлять и застегивать рубашку, жилетку, сюртук, привычным жестом оправил волосы.

Я покосилась в зеркало над камином. Да-а, это проще распустить и переплести заново, чем привести в приличный вид. А потому я так и сделала – быстро вытянула шпильки и тряхнула головой, позволяя темным прядям свободно упасть на плечи и спину тяжелой волной. Все лучше, чем красоваться с вороньим гнездом. Не удержавшись, я чуть помассировала голову, уставшую за день от этой тяжести, а потом заметила, что герцог замер и жадно за мной наблюдает.

– Тебя ждет король, – напомнила я, тем не менее кокетливо поправив обрамляющие лицо локоны и купаясь в этом пристальном внимании.

– Ты несносна.

– Я божественна, – возразила я его же словами.

Мужчина только покачал головой – времени на долгую перепалку с доказательствами, кто тут главный и прав, не было. Убедившись, что я привела себя в порядок настолько, насколько это было возможно, он распахнул дверь. Лакей, поджидающий за ней на случай еще каких-либо указаний, согнулся в полупоклоне.

– Леди Эрилин Рейвен остается здесь. В мое отсутствие любое ее желание выполнять незамедлительно.

– Как прикажете, милорд.

– Я постараюсь побыстрее. – Это уже мне.

Я улыбнулась в ответ, и герцог стремительно скрылся в темноте коридора.

Кажется, я еще более безрассудна, чем сокрушалась моя матушка. Одно дело заявиться к мужчине в дом в его компании, другое – еще и остаться, будто здесь мое место. Впрочем, раз Кьер не возражал – а уж он-то точно не возражал! – до всего остального мне нет дела.

Наклонившись, я подняла с ковра парчовую ленту, принадлежавшую еще моей бабушке. Провела пальцами по выступающему серебристому узору, не тронутому временем. Эту плотную, даже жесткую ленту дед привез бабушке из заморской Клирии³, выложив за нее стоимость хорошей лошади. По крайней мере, так рассказывали в семействе. Сейчас ей и жену лавочника не удивишь, только поэтому она уцелела, когда мать, рыдая, расставалась с ценностями.

Да, стоит признать, с тех пор жизнь всех членов семьи достойного виконта Рейвена круто изменилась.

Я присела на диван, продолжая перебирать пальцами узоры банта. А ведь раньше мы могли позволить себе пусть не все то же самое, но близко к тому. Мои предки славились умом, деловой хваткой и умением преумножать состояние, так что корона неплохо обогатилась, когда шестой виконт Рейвен, он же мой дорогой отец, по какой-то причудливой прихоти судьбы ввязался, сам того не подозревая, в заговор против его королевского величества Эдгара VII. Только незнание, подтвержденное следствием, и спасло папеньку от плахи. Его даже не лишили

³ Королевство к югу от Ланланда, через Акулье море.

титула, лишь конфисковали все состояние, кроме старого родового поместья в Богом забытой глуши, куда и сослали на долгие пятнадцать лет.

Мне было девять, но я до сих пор помнила, как лежала в кровати, накрывшись подушкой, и все равно слышала голоса – усталый и виноватый отцовский, причитающий и рыдающий материнский – и еще толком не понимала, что происходит. А через два дня мы под постыдным конвоем выехали из столицы на восток, взяв с собой только самое необходимое. И я всю поездку никак не могла уложить в голове, почему необходимое не включает в себя ни шелковые ленты, ни все семнадцать кукол, ни праздничные платья, ни многие другие жизненно важные вещи.

Я грустно улыбнулась, вспомнив того ребенка, который с женщиной, сидящей на диване в герцогской гостиной, казалось бы, не имел совершенно ничего общего.

Нет, эта девочка никак не могла оказаться на моем месте. Она выросла бы в очаровательную леди, блистала бы на балах, где встретила бы какого-нибудь прекрасного лорда. Тот влюбился бы в нее без памяти, родители сыграли бы пышную свадьбу и к моему возрасту у нее было бы уже как минимум два милейших карапуза с серыми глазами матери и золотыми кудрями отца. Или наоборот. Она устраивала бы светские чаепития и роскошные приемы, на которые, вполне возможно, мог бы заглянуть и сам герцог Тайринский. На него та девочка не обратила бы уже никакого внимания, только возгордилась бы, что птица такого высокого полета заглянула в ее дом, и непременно вставляла бы это при каждом удобном случае.

Улыбка сделалась веселее, стоило представить себя почтенной матроной, вроде маменьки, в окружении таких же почтенных матрон и жеманно вещающей: «Вот в прошлый четверг, когда нас посетил герцог, да-да, герцог!...».

Что верно, так это то, что Кьеру я и без отцовской опалы ровней не была. Даже не потеряй виконт Рейвен своего положения, подняться в спальню с герцогом Тайринским его дочери точно так же удалось бы только в статусе любовницы. Другое дело, что тогда сия сумасшедшая мысль ни за что и не пришла бы мне в голову.

Я откинулась на спинку дивана, запрокинула голову, потеряла шею, время от времени ноющую от сидения над бумагами. Чертовы бумаги, чертов Трейт, их на меня сваливший. И черта с два он-таки наймет секретаря, отговорившись радением о бюджете. А платить исполняющему обязанности секретаря оклад магического криминалиста, весьма солидный, между прочим, ему радение о бюджете не мешает!

Самолюбие взгромоздилось на любимого, уже порядком заезженного, надо признать, коня и начало воинственно размахивать с него саблей, грозя показать всему мужскому роду, кто здесь самый умный. Чтобы успокоиться, я поднялась и прошлась туда-обратно по комнате, отсчитывая шаги по ковру.

Высокие напольные часы мелодично пробили десять. Я задумчиво посмотрела в окно.

До дворца галопом отсюда не более десяти минут, а сейчас, когда улицы пустынные и того меньше, но вряд ли король потребовал Кьера в такое время только для того, чтобы спросить, как дела, или пожаловаться на бессонницу. А значит, как бы герцог ни старался побыстрее, раньше, чем через пару часов его ждать не стоит. Сидеть все это время и смотреть на огонь у меня не было ни малейшего желания. Для чтения голова была слишком забита собственными мыслями. Бродить привидением по мрачному ночному саду – увольте. И раз уж я так опрометчиво пообещала герцога дожидаться...

Пойду-ка я посплю! Приедет – разбудит. Да и я сама сплю чутко, услышу. День и правда выдался нервный, лишняя пара часов дремы мне совсем не лишняя. Сам отдал распоряжение любые мои желания исполнять, вот пусть и пожинает плоды.

Все тот же лакей, что сопровождал меня до гостиной, стоял за дверью вытянувшись по струнке, как солдат, с абсолютно непроницаемым выражением лица.

– Какие будут пожелания, миледи?

Безупречно вежливый тон. Это хорошо. Чем жестче вышколена прислуга, тем меньше шансов, что она начнет болтать за пределами особняка. Все же, в мои намерения не входило раструбить на всю столицу, где и с кем сегодня провела ночь леди Эрилин Рейвен.

– Проводи меня в спальню его светлости. И прикажи подать туда чай с ромашкой.

– Как будет угодно, миледи. – Полупоклон, точно такой же, как и для герцога, ни дюймо́м выше или ниже. – Прошу вас, следуйте за мной.

По сторонам я не глазела. Хоровод мыслей кружился то в одну сторону, то в другую. С работы на дом, с дома на работу, но неизменно возвращался к сильным рукам, прижимающим меня к горячему телу, к губам, щекочущим шею, пальцам, скользящим по пуговицам блузки, и огненным отблескам в черноте глаз.

«Вот так вот людей на измену и толкают», – раздраженно подумала я, не испытывая сейчас к возжелавшему герцогского общества величеству ни малейшей приязни.

Осматриваться в комнате, дверь в которую мне любезно распахнули, я не стала. Дождь-лась, пока мне принесут чай, беззастенчиво сунулась в гардеробную, схватив первую попавшуюся рубашку. А потом с наслаждением скинула блузку, юбку и утомительный корсет и вместе с чашкой забралась под одеяло.

Ромашка и усталость сделали свое дело быстро – заснула я, едва окончательно сползла на подушки.

А проснулась от задорной трели птиц за окном.

Несколько раз я сонно и непонимающе хлопнула ресницами. Солнечные лучи, бьющие в полузакрытые ставни, совершенно не вписывались в мои планы на пробуждение. Я перекатила головой по подушке, но постель рядом была пуста, хоть и смята так, что я очевидно не одна на ней спала. В голове всплыло смутное сонное воспоминание – шаги, шорохи, голос в полудреме, поцелуй в висок и непререкаемое «спи». Точно. Кьер вернулся чуть ли не под утро, это я помню. Но где его сейчас носит?

Ответ на этот вопрос обнаружился в ванной. А еще в ней – в большой, фаянсовой, на солидных металлических ножках – обнаружился сам герцог во всей своей природной красе. К чему бы я там заранее ни готовилась, это зрелище застало меня врасплох, заставив замереть на пороге, придерживая рукой косяк.

Кьер, до моего появления просто расслабленно лежащий в горячей воде, наполняющей комнату легкой дымкой пара, приподнялся, выпрямился. Улыбнулся.

– Доброе утро, Эрилин.

– Доброе... – излишне медленно проговорила я, все еще переваривая открывшееся зрелище и не в силах оторвать от него взгляд.

– Как спалось?

Я неопределенно пожала плечами, все еще не решаясь сделать шаг ни вперед, ни назад.

– Присоединишься? – заманчиво поинтересовался Кьер, разрушив мои сомнения.

Отвечать я не стала, просто закрыла дверь за спиной, отрезая нас от внешнего мира. Отвязала пояс, по очереди стянула чулки. Не торопясь, но и не медля слишком, не испытывая терпение мужчины на прочность. Скорее просто позволяя насладиться зрелищем. Рубашка, висящая на мне мешком, растеклась по полу белым шелковым пятном, а за ней последовало белье. Уже полностью обнаженная, я взяла с туалетного столика оставленные вчера на нем шпильки и скрутила волосы в не особенно опрятный, зато надежный узел на затылке.

– Женщина провела всю ночь в моей постели, а я вижу ее обнаженной только утром. Со мной такое впервые, – прокомментировал все это Кьер. Судя по довольным вибрирующим ноткам в голосе, представление он вполне оценил. И я не зря запомнила его вчерашние слова об умении продлевать удовольствие.

– Ты никогда не занимался любовью в темноте?

Я присела на бортик ванной, и коснулась воды пальцами, примеряясь к температуре. То, что надо, горячая, но не обжигающая.

– Полная темнота существует только для слепцов.

Я собиралась пристроиться напротив, но Кьер меня опередил – ухватил за запястье и плавно потянул на себя, заставляя улечься на широкую грудь, а еще ощутить, что наблюдение за моим раздеванием не прошло для него бесследно.

В таком положении я мало что могла предпринять. Мне оставалось только откинуть голову на выглядывающее из воды плечо и предоставить мужчине возможность делать все, что ему пожелается.

Кьер не торопился. Ладони вдумчиво скользили по телу, щекоча кожу ручейками воды. Пальцы обводили изгибы и округлости, дразнили... проникали туда, где пальцам быть вообще не положено!

Я ахнула, выгнулась, машинально плотнее сдвигая ноги, и от этого только сильнее ощущение проникновения. Кьер только усмехнулся и обхватил меня второй рукой за талию, плотно прижимая к себе и лишая возможности извернуться и выкрутиться.

Щеки запылали, но не от горячего пара, и не от запоздалого смущения. Я и подумать не могла, что это может быть... так. Все же мой первый опыт был по сути никаким – ни хорошего, ни плохого в голове тогда не отложилось. Было чуть-чуть приятно, чуть-чуть больно. Довольно быстро.

А сейчас...

Герцог в постели (...и в ванной!), очевидно, относился к тому типу мужчин, которым нравилось удовольствие не только получать, но и доставлять, и делать это он совершенно точно умел.

Я тяжело дышала, прикрыв глаза, с трудом ловя воздух пересохшими губами, спиной ощущала глухое, ускоренное биение чужого сердца. И чувствовала, всем телом, до покалывания на кончиках пальцев, как пристально он на меня смотрит. И как ему нравится то, что он видит.

– Кьер... – Я не была уверена, удалось ли мне произнести это вслух, или губы просто беззвучно шевельнулись, но он услышал и понял.

Мир с легким всплеском перевернулся, и теперь я оказалась к нему лицом. Медлить не стала, обхватила ладонью, решительно направила его в себя и одним стремительным движением опустила вниз. Внутренние мышцы сжались, словно пытались вытолкнуть чужеродный предмет, но вместо этого обхватили его еще плотнее, и Кьер сам не выдержал – запрокинул голову и глухо застонал, стиснув мои бедра пальцами почти до боли. Я подалась вперед, ловя этот стон поцелуем, чуть приподнимаясь, только для того, чтобы он снова с силой опустил меня обратно.

Несмотря на то, что я была сверху, темп задавал он. В стальных объятиях я ощущала себя хрупкой фарфоровой статуэткой, из тех, что так любила мама – переломит пополам с легким хрустом и не заметит. Но чувство абсолютной беспомощности меня на удивление не напрягало. Этому мужчине хотелось безоговорочно подчиняться. Хотя бы потому, что его желания один в один совпадали с моими.

Вода бурлила вокруг от движения, но казалось, будто она кипит от того накала, который исходил от наших тел. Мне было жарко, отчаянно не хватало воздуха, я хватала его ртом и почти задыхалась, ловя вместо этого поцелуи.

И когда внизу все скрутило почти болезненной, но невероятно, опустошительно сладкой судорогой, переплавившейся в затихающую пульсацию, я без сил повисла на Кьере, уронив голову ему на плечо в полубессознательном состоянии. Только краем сознания отметила, как несколькими мгновениями спустя и его массивное тело содрогнулось, а затем плавно, расслабленно откинулось обратно на бортик, увлекая меня за собой.

Вода с тихим плеском качнулась туда-сюда, и постепенно полностью разгладилась, превращаясь в спокойную стеклянную поверхность. В ванной воцарилась абсолютная тишина.

Я лежала, прижавшись щекой к плечу, уткнувшись лбом в шею. Слушала, как выравнивается мужское дыхание, как замедляется биение сердца. И понимала, что это того стоит. Стоит истеричных нотаций матери, усталого разочарования в голосе отца, бешеного негодования так и не переросшего сказки брата. Стоит возможного шепота за спиной.

Если-когда эта связь выплывет наружу.

Как бы я ни храбрилась, все равно в глубине души, все это время меня грыз червячок сомнений, вскормленный строгим воспитанием. Но теперь он исчез, оставив меня наедине с глубоким удовлетворением и самым привлекательным мужчиной из тех, кого мне доводилось встречать.

– Эри?

– М-м? – Сил не было даже на то, чтобы разомкнуть губы.

– Ты там живая?

– М-м, – отрицательно промычала я, как и положено трупу – не шелохнувшись.

– Некромантия вообще-то запрещена Ковеном, но что поделать, – притворно вздохнул Кьер, а в следующее мгновение его пальцы, на кончиках которых плясали золотые искры, пробежались по моему боку.

Мне никогда в жизни не было так щекотно! Я нелепо тонко взвизгнула, взвилась, щедро плеснув водой на пол, и разъяренно уставилась в непроницаемо серьезные черные глаза. Ткнула герцога кулаком в грудь, не столько надеясь отомстить, сколько просто вымещая недовольство, и выскочила из ванной.

– Эй, это мое полотенце!

– Было! – мстительно отозвалась я, заворачиваясь в огромный отрез мягчайшей ткани, как в тогу.

Я повернулась к зеркалу и на мгновение замерла, удивленно уставившись в собственное отражение. Жуткий кавардак на голове, шею и плечи облепили тончайшие змейки, выбившихся из пучка мокрых волос, горящие щеки, припухшие губы, тонкие обнаженные плечи, контрастирующие с темной толстой тканью. А в это мгновение жемчужные от светлой обстановки ванной глаза сияют каким-то лихорадочным, сумасшедшим блеском. Неужели эта страстная, чувственная женщина в отражении это... я?

– Ты прекрасна, – словно прочитал мои сомнения Кьер, подходя со спины, прихватив губами шею, мочку уха. Быстро остывшие капли с его мокрых волос и тела заскользили по коже, вызывая мелкую дрожь. – Мысль не выпускать тебя из спальни кажется мне все более и более заманчивой. Только сначала скажи мне имя.

– Что? – Я вынырнула из транса.

– Имя того, кто лишил меня удовольствия стать твоим первым мужчиной.

– Ты же не думал, что невинная девица согласится на подобное предложение? – Я удивленно вскинула глаза на его отражение.

– Я в тот момент вообще мало о чем думал, кроме... – Герцог оставил финал фразы моей богатой фантазии и целовал очередную капельку с моей кожи. – Но этот факт меня сейчас задел.

В ответ на мою самодовольную улыбку он наградил меня укусом в плечо.

– Итак, имя?

– Оно ни о чем тебе не скажет. Да и потом, ты сам уж точно не неопытный юнец.

– Я мужчина!

– Это заметно, – одобрительно кивнула я, выразительно глянув вниз.

Кьер издал низкий горловой рык, и в следующее мгновение я сначала взлетела в воздух, а затем чувствительно приложилась животом о плечо.

– Эй! – возмущенно возопила я, пытаюсь выпрямиться и сползти обратно на твердую землю. – Пусти!

Вместо этого герцог наградил меня увесистым шлепком, а предпринять что-либо еще я не успела. Путь от ванной до кровати оказался на диво коротким.

Кьер плюхнул меня на подушки и пружинистый матрас, как тюк сена, без малейшего уважения к титулованной, между прочим, особе! И пока я после всех переворотов пыталась понять, где верх, а где низ, рывком сдернул полотенце.

Я пискнула, перекатилась по кровати, пытаюсь удрать, но была ухвачена за ногу и без усилий возвращена на прежнее место.

Удар подушкой герцога ошеломил лишь на мгновение – оружие он у меня тут же отобрал, а нового добыть не позволил и навис надо мной огромной черной тенью, удерживая мои запястья крест-накрест всего лишь одной рукой.

У меня перехватило дыхание, и я невольно судорожно сглотнула, как кролик, повстречавший удава на узкой тропинке. И если бы этот удав не ухмылялся с таким очевидным превосходством, я даже может покорно позволила бы себя съесть...

...а так придется скармливаться, брыкаясь.

– Пусти! – снова потребовала я, извиваясь сама не хуже гадюки. Увернулась от поцелуя, выкрутилась от попытавшейся прижать меня второй руки. – Ты мокрый! И холодный! И... и... полотенца... мне... пожалел!

Последнее слово я выдохнула едва слышно уже прямо ему в губы. Отчаявшись призвать меня к порядку более деликатными методами, Кьер просто навалился на меня всем телом, выбив воздух из легких, и пока я ошеломленно пыталась вспомнить, как дышать, приподнялся, раздвинул мне ноги и вошел.

Я сама себе не поверила, когда тело отозвалось мгновенно. Ему, телу, было совершенно наплевать на то, что думает о мокром и холодном скрыге его хозяйка. И вместо того, чтобы продолжить вырываться, оно моментально подстроилось под происходящее...

– Мокрый. Холодный. И тяжелый, – припечатала я, не открывая глаз. В них еще темнело и плавали звезды, и, заставь меня кто-нибудь сейчас подняться, я бы не удержалась на ногах. – Если ты меня раздавишь, моя семья подаст на тебя в суд.

– Наивное создание. Главный королевский судья – мой троюродный брат. – Кьер, полулежащий рядом, протянул руку и выпутал перышко пуха из моих волос. Провел им от виска к подбородку, по шее и ключице, пощекотал все еще напряженный, сморщенный сосок.

– Безнаказанное чудовище, – вынесла я свой вердикт, с удовольствием подставляя коварному перышку подрагивающий живот, а потом открыла глаза и безошибочно поймала пристальный взгляд. – Я есть хочу.

– Да вы ненасытны, леди Рейвен.

Я приподнялась и укусила его за шею, а на обратном пути за плечо, докуда дотянулась, ясно давая понять, кто послужит мне пищей, если меня сейчас же не покормят чем-то посущественнее, нежели поцелуи.

– Я распоряжусь насчет завтрака, – «устрашился» Кьер, поднимаясь и направляясь в сторону гардеробной.

Я понежилась еще несколько мгновений, разглядывая расшитый павлинами полог над кроватью, каждой клеточкой тела наслаждаясь ощущением свежести, мягкости и тонким лавандовым ароматом, а затем тоже подскочила. Вряд ли герцог потребует, чтобы к завтраку я предстала при полном параде, но что-то на себя накинуть все же стоит.

Рубашка, которую я позаимствовала у Кьера вчера, безнадежно намокла после нашего купания, так что от идеи снова к ней прибегнуть пришлось отказаться. А сунуться следом за герцогом с требованием выдать мне новую я все же не решилась. Так что пришлось удовольствоваться собственной сорочкой, бельем и чулками. Вкупе с растрепанным видом выглядело

это до ужаса вызывающе, но раньше суровой необходимости залезать еще и в корсет и прочие элементы дамского туалета у меня не было ни малейшего желания.

Да и потом, мне теперь, вроде бы, фривольность по статусу полагается. Где бы почитать про правила этикета для герцогских любовниц?

Последняя мысль вызвала нервный смех. Все казалось легко, просто и правильно здесь и сейчас. Но я все же плохо представляла, что меня будет ожидать, когда сегодня за моей спиной закроется массивная дубовая дверь этого особняка.

Судя по тому, что сам герцог надел брюки, но даже не соблаговолил застегнуть рубашку, с выбором наряда я не прогадала. Он уже подждал меня в соседней комнате, куда была призывно распахнута ранее закрытая дверь. Обустроена она была в что-то среднее между кабинетом, личной гостиной и миниатюрной библиотекой. По крайней мере тут имелись одновременно диван и кресла со столиком, большой рабочий стол и пара битком набитых книжных шкафов. Руки зачесались пройти по корешкам, но я самонадеянно предположила, что время на это у меня еще будет.

– Зачем тебя вызывал король?

Не самая беззаботная тема для беседы за завтраком, но откровенно говоря, задавая этот вопрос я не особенно рассчитывала на ответ. И очень удивилась, когда его получила.

– Срочное заседание глав департаментов, – невозмутимо отозвался Кьер, намазывая маслом золотистый тост.

– С десяти вечера и до утра? – изумилась я.

– Его величество денно и нощно радеет о благе королевства и его жителей, – усмехнулся герцог. – У нас кровавые магические убийства, у полиции несколько громких краж, у финансистов дебаты с кредитами не сходятся, а строить всех и отчитывать куда приятнее и эффективнее в срочном неожиданном порядке и в неурочный час для пущего устрашения, чем по расписанию, даже если для этого придется пожертвовать несколькими часами собственного сна.

– И как? – искренне заинтересовалась я тонкостями управления государством. Никогда не знаешь, что может пригодиться практичной девушке! – Работает?

– Поначалу, может, и работало. А теперь все уже привыкли, научились зевать, не открывая рта, и спать с открытыми глазами. А как оно развивает взаимовыручку, ты не поверишь. Вовремя ткнешь соседа, когда его величество изволит спросить его мнение, и все, потом можно смело рассчитывать на услугу. И хороший способ отомстить недоброжелателям.

Я спрятала смех в чашке с чаем, представив, как первые лица королевства толкаются и перепихиваются, как студенты на ранней скучной лекции строгого преподавателя. «Преподаватель» смотрит на них с тоской во взгляде и думает: «Господи, за что послал ты мне этих балбесов...». А балбесы вздыхают и думают, кто о карточном столе, кто о теплой постели, кто о женщине в этой самой постели...

Сомнительная, скажу я вам, продуктивность получается!

– Кстати, – произнес вдруг герцог с неожиданно прорезавшимися суровыми рабочими нотками, заставившими меня вздрогнуть, – госпожа эксперт, когда я увижу полный отчет по последней жертве?

– Когда личность установите, тогда полный отчет и увидите, – невозмутимо отозвалась «госпожа эксперт», сидящая перед высоким начальством, закинув ногу на ногу, в одной полупрозрачной сорочке и чулках. – Или в мои обязанности теперь входит и по полицейским участкам бегать в поисках заявлений о пропаже? Я ведь могу! Правда, это существенно увеличит дополнительные рабочие часы и сократит свободное время, но на что только не пойдешь ради спокойствия и благополучия в родном королевстве.

Я притворно вздохнула. Кьер быстро сообразил, о каком именно свободном времени идет речь и мстительно пощекотал меня за пятку, покачивающуюся возле его колена. Я поджала пальцы и переменила позу.

– А что там предварительно?

– Тебе об этом вчера пол ужина Трейт отчитывался.

– Эрилин, ты прекрасно знаешь, что я этот ужин устроил не для того, чтобы слушать Трейта.

Я наигранно потупилась и затрепетала ресницами, но под суровым взглядом прекратила ломать комедию. Почти.

– Зато у тебя так хорошо получалось кивать в тему. Научишь? Мало ли, пригодится, когда глава департамента придет очередной разнос в отделе устраивать...

Кьер сделал вид, что собирается встать, я сделала вид, что устрашилась, на том и порешили.

– Рассказывай.

Вообще-то у меня был выходной. Вообще-то у самого Кьера был выходной. И можно было бы ему об этом напомнить. И почти наверняка он бы все же не стал настаивать. Но я внезапно поняла, что мне не хочется капризничать и сворачивать разговор на что-нибудь более веселое. Весь департамент уже несколько недель стоял на ушах, расследование не сдвигалось ни на йоту, а новые жертвы появлялись. И раз выдалась возможность спокойно обсудить ситуацию с самим Кьером, без посредников, лабораторного начальства и их предрассудков, я была не прочь ей воспользоваться.

– Ничего хорошего. Общего с двумя предыдущими убийствами только полное отсутствие следов убийцы и его очевидный, кхм, профессионализм. По имеющимся у нас на данный момент сведениям, между жертвами тоже нет ничего общего. Два первых трупа – мужчины, третий – женщина. Предположительно лет тридцати. Отсутствуют сердце и глазные яблоки. Как ты помнишь, раньше это были язык и мужское достоинство, еще раньше – печень. Пока что нам не удалось найти ни одного магического ритуала, в котором требуются все эти органы, причем принадлежащие разным людям – иначе почему не разобрать на запчасти одного? Либо речь идет о слишком старой магии, либо убийца преследует ритуальные цели. На этот счет у меня консультация с отцом Гербертом в четверг. Я знаю его уже несколько лет, один из виднейших экспертов в данной области... что?

Кьер смотрел на меня... странно. С какой-то глубочайшей задумчивостью, и интуитивно я понимала, что она никак не связана с размышлениями над делом.

– Ничего, – совершенно ровно ответил герцог, но взгляд отвести даже и не подумал. – Что еще?

Я поерзала на подушках, устраиваясь поудобнее, обхватила чашку ладонями.

– Пока не установлена личность последней жертвы, невозможно с уверенностью заявить, что между ними нет никакой внешней связи. Трейт не исключает пока ни одной вероятности. Так что мы можем иметь дело, с кем угодно. Как с сумасшедшим маньяком, так и жестоким мстителем, маскирующий обычные убийства под магические, чтобы направить следствие в другую сторону.

– Может это быть талантливый самоучка в деле вспарывания человеческих тел?

Я задумчиво вгрызлась в печенье, не торопясь отвечать, но Кьер и не торопил.

– Маловероятно, – произнесла, наконец, я, хорошенько взвесив «за» и «против». – Разрезы очень точные. Он прекрасно знает, что, как и где надо резать. Рука у него поставлена лучше, чем у меня. А нам начала анатомии и физиологии, между прочим, сам профессор Джойгли преподавал.

Здесь я не удержалась от вздоха. Одарил же Господь человека исключительным талантом, и на что он его тратит? На учебные трупы и бестолковых студентов! Лучше бы в больницу или госпиталь подался!

– А что с магической составляющей?

– А вот с ней пока совсем неясно...

Начальство нахмурилось, и я словно невзначай поболтала ногой в воздухе. Поправила полупрозрачную сорочку на груди. Взгляд сделался куда более одобрительным, чем я и воспользовалась, чтобы исправить:

– Пока не совсем ясно. Но мы работаем! Не покладая рук!

«И ног!» – мысленно добавила я.

Мой первый рабочий день в департаменте по контролю применения магии выдался не особенно радостным. Господин Трейт, глава криминалистического отдела, не скрывал своего недовольства моим назначением. Женищина в лаборатории! И хуже того – леди! Не иначе, как сам Дьявол подсунил ему под нос это испытание, дабы подвергнуть греху сквернословия и поколебать веру в Господа нашего, не защитившего верного слугу своего от сего тяжкого бремени. Последнее причитание, подслушанное сквозь тонкую стену, когда господин Трейт изволил стенать и жаловаться своему заместителю, мне даже понравилось. Но все равно было обидно.

Вместо того, чтобы предоставить мне бумаги по делу, над которым уже пару месяцев ломали головы все эксперты, из-за которого меня, собственно, и наняли, он усадил меня в углу секретариата с кипой старых, никому ненужных отчетов и велел их систематизировать и составить каталог, очевидно считая, что это единственное на что женищина (и – о, ужас! – леди) может быть способна. И это человек, лично видевший, как я обошла всех иных претендентов во время выполнения тестового задания!

Но в первый же день доказывать что-либо кому-либо и требовать соблюдения моих законных прав я не стала. Приказ об увольнении так же легко подмахнуть, как и приказ о назначении. Однажды мне представится шанс показать, на что я способна, и уж я-то его не упущу. А пока тихой мышкой посижу в углу с отчетами (а вдруг там найдется что-нибудь полезное?), уповаю на хороший слух и тонкую стену.

День близился к завершению. Кипа пыльных бумаг, которую мне предстояло обработать – едва ли. Я взгромодилась на стремянку, чтобы убрать в стеллаж первую партию разобранных папок, когда дверь распахнулась, впуская высокого массивного мужчину – сверху мне прекрасно удалось оценить размах плеч и разглядеть копну черных блестящих волос.

– Добрый вечер, – я вежливо дала о себе знать, заставив посетителя вскинуть голову и уставиться на меня пронзительным черным взглядом. Мне никогда еще не доводилось видеть глаз такого темного оттенка – будто сплошной зрачок. – Я могу вам чем-нибудь помочь?

– Я смотрю, секретаря Трейт тоже, наконец, нанял.

Интересный вывод и интересный тон. Какое-то очередное начальство? Департамент большой, а меня не торопились ввести в курс дела. Я опустила начавшие оттягивать руки папки на полку, и мое промедление с ответом, очевидно, приняли за согласие, потому что дальше последовала не менее властная просьба:

– Я пришел увидеться с господином Рейвеном.

– Простите? – искренне озадачилась я – по именам всех экспертов я уже знала и была совершенно точно уверена, что среди них нет ни одного однофамильца.

– Господин Рейвен, новый эксперт, – нетерпеливо пояснил мужчина и тут же махнул рукой. – Впрочем, неважно, осваивайтесь. Всего доброго, – он кивнул мне и решительно шагнул в сторону двери, ведущей в лабораторию.

– Господина Рейвена там нет, – бросила я ему в спину. Куда забавнее было бы подслушать, как истина выясняется в разговоре с Найджелом Трейтом, но, если мои подозрения верны, и это начальство, еще более высокое, нежели лабораторное, то выставять его идиотом было бы не слишком благоразумно.

Мужчина уже взялся за ручку двери, но на мои слова стремительно обернулся с подвижностью, неожиданной для такого тяжелого на вид тела.

– Я не секретарь, – пояснила я. – Я новый эксперт. Леди Эрилин Рейвен.

Даже не знаю, почему именно сейчас мне вспомнилась самая первая наша встреча. Возможно, дело было в этом пристальном взгляде, которым герцог продолжал меня сверлить, и он был ужасно похож на тот, которым он одарил меня, услышав имя. Помнится, он подал мне руку, помогая спуститься со стремянки, а я, возвращаясь домой, думала о том, что, если бы матушка со мной разговаривала, то она была бы в восторге от новости, что мне подал руку сам герцог Тайринский, и, возможно, даже нашла бы наконец плюсы в моем назначении.

Семейство перманентно не одобряло меня уже на протяжении семи лет, однако приступы неразговорчивости у дорогой родительницы приключались, только когда я совершала что-то вопиюще неподобающее. Как например – выходила на работу магическим экспертом-криминалистом.

– О чем задумалась? – голос Кьера выдернул меня из размышлений.

– Да так, ерунда, – отмахнулась я, отставляя в сторону опустевшую чашку. – Надо ехать. Меня ждут дома.

Кьер недовольно нахмурился, но тем не менее, озвучил совсем не то, что, очевидно, хотел бы.

– Я прикажу подать экипаж.

Отказываться я не стала. Благодарно улыбнулась и поднялась, намереваясь вернуться в спальню, чтобы одеться. Но герцог перехватил меня на полпути и усадил к себе на колени. Ладонь скользнула по бедру, большой палец огладил полоску голой кожи между тканью чулок и белья, губы щекотом коснулись уха.

И я откуда-то знала, что сейчас в этих прикосновениях не было намека на закономерное продолжение. Просто я собралась уходить, а он решил напомнить себе и мне напоследок о своих новообретенных правах. Я в долгу не осталась. Положила руку ему на грудь, наслаждаясь прикосновением к теплой гладкой коже, царапнула ногтями темную монетку соска и поднялась выше, обвивая его за шею, запуская пальцы в спутанные волосы.

А потом отрывисто поцеловала его в губы и убежала-таки в спальню, сопровождаемая довольной ухмылкой.

Он деликатно дал мне достаточно времени в одиночестве, чтобы облачиться во все многочисленные элементы женского гардероба, и когда вошел, я, уже полностью одетая, сидела на кровати и расчесывала волосы.

Не торопясь приводить себя самого в приличный вид, Кьер привалился рядом, наблюдая за мной все с тем же неугасающим любопытством.

– Ты во мне дыру прожжешь, что, учитывая твой дар, отнюдь не образное выражение, – отметила я, заплетая косу, чтобы свернуть ее затем в пучок на затылке. – О чем думаешь?

– О том, что ни одна знакомая мне леди не сделала бы того, что вчера и сегодня сделала ты.

– Это оскорбление? – я вскинула бровь и даже на миг оторвалась от плетения.

– Констатация факта, – усмехнулся герцог. – Но я начинаю подозревать, что ты находишь особое удовольствие в том, чтобы нарушать правила.

– Нет. – Я вернулась к косе. – Я нахожу удовольствие в том, чтобы делать то, что мне по душе. А правила бывают разные, и я не вижу ничего плохого в нарушении тех, которые являются абсурдными и несправедливыми...

Я уезжала из герцогского особняка в крайне растрепанных чувствах, вертя в пальцах небольшой медальон – овал бирюзы с красивым рисунком прожилок в обрамлении бриллиантовых звездочек. То, что Кьер обозвал подарком, для меня выглядело совершенно неприкрытой платой за услугу. Я так растерялась, когда он попытался повесить мне его на шею, что вместо того, чтобы спокойно и ровно объясниться, обсмеяла его – помилуйте, герцог, не комильфо

выставлять женщину моего положения алчной до наживы особой, поберегите такие подарки для дам с Фиалковой улицы. Кьер оскорбился, разозлился, улетел в гардеробную и, одеваясь, бубнил оттуда – я тут хозяин, и я решаю, что и кому дарить, учить меня еще будут!

И все могло бы докатиться до серьезной ссоры, если бы я вовремя не прикусила язык и не умерила темперамент, напомнив сама себе, где нахожусь и в каком статусе. В итоге сошлись на компромиссе – эту «безделушку» я оставляю, но подобных подарков Кьер, не получив моего на то согласие, делать больше не будет.

На самом-то деле обычный, традиционный даже жест, и выставила я себя пусть не дурой, но однозначно не с лучшей стороны моего непростого, как обтекаемо называет это папенька, характера. Герцог не папенька, и забывать об этом нельзя.

Просто...

Мне неприятно было думать, будто он считает, что мне от него что-то нужно. Вернее, нужно, конечно. Но не бриллианты, и даже не помощь в работе (боже упаси!).

От воспоминаний о том, что мне нужно, внутри все сладко сжималось, а на лицо лезла непрошенная улыбка.

С ней я и взбежала по истертым ступенькам небольшого особняка, третьего по счету на Молочной улице, служащего уже почти год столичной резиденцией почтенного виконта Рейвена с семьей. И в дверях столкнулась с дорогим братцем. Грей на ходу поправлял китель и шпагу, а потому перед собой не глядел и едва не сбил меня с ног.

– Эри? Эри! Эри! – Он с такой силой вцепился в мои плечи и встряхнул, что я ощутила себя деревянной марионеткой в руках кукольника. – Ты в порядке?

– Конечно. – Я осторожно, двумя пальчиками, отцепила от себя сомнительные братские объятия. – А почему не должна быть? Я же предупредила, что задержусь на работе.

– До утра?

– Такая работа. – Я пожала плечами, а Грей внезапно побледнел и снова вцепился в меня как клещ.

– Что он с тобой сделал?

Что ж... от родного брата у меня секретов нет!

– М... вот помнишь Магду из Гринхила? – Судя по тому, как бледность на юношеском лице брата сменилась румянцем – помнил и еще как! Я тоже много чего запомнила, застукав их на конюшне, правда, в отличие от родственника предпочла бы забыть. – Ну вот примерно то же самое, за исключением, разве что, нюансов...

– Что-о?! Да как он... да как... да...

– А что такое? – Мои губы сами собой расплылись в ласковой улыбке. – Ты же мне сам говорил, что в этом нет ничего особенного!

На красивом, хоть еще и слишком юном лице Грея отразилась неопишуемая гамма эмоций. Губы подрагивали в попытке подобрать аргументы и правильные слова, чтобы втолковать мне, что то, что относится к Магде, совершенно никаким образом не относится к его возлюбленной (хотя в этот момент, пожалуй, и не очень) сестрице, и что между горничной и леди пропасть, и много еще чего. А в то же время, он прекрасно понимал, что я над ним просто издеваюсь.

– Мы поговорим вечером, – отрезал он, старательно пытаясь подражать отцовским интонациям. – Я опаздываю на службу.

– Конечно, поговорим, – многообещающе улыбнулась я и проводила брата, яростно чеканящего шаг о ни в чем не повинные камни мостовой, полным умиления взглядом. После чего сжала в ладони медальон, подобрав его так, чтобы не свисала цепочка, и толкнула тяжелую дверь.

Дом, милый дом!

Роль 2. Эксперт-криминалист.

Шел дождь.

Длинным пунктиром он мелькал в свете полицейских фонарей, дробно стучал по натянутой ткани зонта, неумолимо смывал брызги и пятна крови, превращая труп в белую восковую куклу.

Я переступила с ноги на ногу и поморщилась – левый ботинок безнадежно промокал, а фотограф, которого среди ночи приходилось разыскивать дома – запаздывал. Двое констеблей и коронер точно так же переминались чуть поодаль, бросая на меня подозрительные взгляды, будто ожидали, что я вот-вот завизжу или рухну в обморок.

Когда я прибыла на место преступления со своего планового ночного дежурства, меня первые пять минут пытались старательно отогнать сначала как девицу легкого поведения, потом, разглядев одежду, как праздно любопытствующую, а потом вдвое больше времени изучали значок магического криминалиста, не веря своим глазам.

Плюсы в этом тоже были. Без фотографа ни один из нас не мог приступить к детальному осмотру тела, окрестности были уже прочесаны, все ключевые моменты законспектированы, а эта заминка неплохо нас всех развлекала.

Труп был обнаружен около часа назад. Некий господин, которого сейчас по второму кругу допрашивали в ближайшем участке, возжелал уединиться в этом темном переулке с жрицей любви, личность которой еще предстояло установить. Переулок был и правда темным, потому что тело они обнаружили, только поскользнувшись на чем-то мягком и склизком, оказавшимся впоследствии внутренностями жертвы. Романтический момент за пару солитов⁴ был безнадежно испорчен. Дама в истерике сбежала, а господин, поборов в себе первый низменным порыв затеряться в ночи, а попросту – побоявшись, что кто-то его видел и соотнесет его здесь появление с трупом – отправился на поиски полиции.

Я была уверена на все сто, что здесь снова отметился уже знакомый нам маньяк и дело перейдет под юрисдикцию департамента по магическому контролю, но, увы, перескакивать сквозь формальности и бюрократические проволочки, как я – через приличия и условности высшего света, мир еще не научился.

Резкий порыв ветра щедро окатил меня мелкими дождевыми брызгами с ног до головы, невзирая на зонт, и я снова скривилась – еще не хватало слечь с простудой. Будет лишний повод господину Трейту вещать во весь голос, что от слабых женщин никакого толку! А его помощник, регулярно страдающий от аллергии и неспособный в одиночку поднять даже три архивных папки, – старательно подшмыгивать.

Наконец, в тупик нырнула фигура с громоздким саквояжем. Фигура была сонная и крайне недовольная. И посмотрела на нас так, будто это мы все тут старательно кромсали на куски первого попавшегося несчастного, только чтобы выдернуть почтенного фотографа из постели и заставить принимать дождевые ванны.

– Ночи, господа, – проворчал он, совсем не случайно опустив слово «доброй».

– И дама, – равнодушно поправила я из принципа.

– И да... – мужчина поперхнулся и закашлялся. Вот что я сделала с бедным человеком? Прав господин Трейт, ой прав.

⁴ Ланландская серебряная монета. В одном солите 12 бронзовых минок, а 20 соликов можно обменять на один золотой толл.

– Леди Эрилин – эксперт из магического департамента, – щегольнул своей осведомленностью коронер. Видимо, они с фотографом давние и закоренелые недруги, иначе зачем ему беднягу еще и моим титулом добивать?

В конце концов, аппарат был установлен, фотографии сделаны, скорбные обещания заняться проявлением и печатью сейчас же и разослать их в обе конторы не позднее полудня – даны.

– Леди вперед? – с насмешкой уточнил один из констеблей, почему-то посчитав, что это меня смутит.

Я же, не раздумывая, воспользовалась предложением. Первой сделаю предварительный осмотр и заключение – первой отсюда уберусь обратно в департамент отогреться, сушить обувь и молиться, чтобы простудная троица – температура, насморк и боль в горле – обошли меня стороной.

Стараясь не запачкать в крови подол юбки, я присела рядом на корточки.

Мужчина. Полностью обнаженный, обрезки одежды старательно превращаются в кучу мокрого вонючего тряпья неподалеку. В этот раз преступника особенно заинтересовали внутренности живота, которые причудливыми изгибами были разложены вокруг тела. Стараясь не обращать внимания на зияющую дыру – тут и не всякому бывалому выдержки хватит, не говоря уже о новичке – я осмотрела со всех сторон голову, плечи, грудь, руки, ноги, спину. Если бы на них обнаружили ритуальные рисунки или разрезы, то это значительно ускорило бы передачу дела в наше ведомство, но увы. В ход пошли амулеты. И – снова, как и раньше – все показатели фона превышают норму на какие-то совершенно незначительные деления, которые легко списать на погрешность, а отнюдь не кричат о том, что здесь похозяйничал маг. А это значит, что придется писать подробный отчет, отправлять его начальству, начальство будет устанавливать наша это юрисдикция или нет, если наша отправлять запрос на передачу дела в полицию и так далее, и тому подобное...

Скука и тягомотина. Я раздосадовано убрала амулеты в сумку и уже вознамерилась распрощаться с почтенными господами, как в тупике снова стало на одного человека больше. Хотя с учетом комплекции этого человека, я бы сказала на полтора.

Подавившись уже почти сорвавшимся с губ: «А ты что тут делаешь?», я вежливо склонила голову.

– Ваша светлость...

– Доброй ночи, леди Рейвен. Господа. – Кьер окинул место преступления цепким беглым взглядом. – Предварительные заключения уже сделаны? Каковы результаты?

– Мы еще не... – начал коронер, но я его перебила, не особенно заботясь о вежливости:

– Веских оснований для передачи дела в наш департамент, как и раньше нет, – сухо отчиталась я и, переложив зонт на плечо, на всякий случай еще раз бегло сверилась с записями. – Некоторые показатели завышены, но требуется дополнительная магическая экспертиза наравне с медицинской. Однако, учитывая внешнюю картину преступления и то, какие именно завышены показатели, мы имеем дело со случаем, идентичным предыдущему.

Если бы он задал какой-нибудь дурацкий вопрос, вроде «вы уверены?», как часто любил это делать Трейт, я бы, наверное, обиделась, но герцог только кивнул с совершенно серьезным видом. И тут же распорядился:

– Пусть тело сразу отвезут в магический экспертный отдел. А также все показания свидетелей, если таковые имеются, и прочие материалы дела. Под мою ответственность. Давайте бумаги – подпишу.

«Как он все-таки здесь оказался?», – гадала я, стоя в сторонке, пока мужчины воевали с перьями, чернилами, ветром, дождем и норовящими промокнуть или разлететься по округе листьями.

С моего визита в герцогский особняк прошло три дня, и все три дня мы с Кьером едва виделись. Изображать холодную рабочую вежливость при изменившихся обстоятельствах было даже любопытно и немного похоже на игру. Но с другой стороны, в рабочей суматохе ощущения от субботнего утра стали скрадываться, а в этой вежливости мерещилось изредка равнодушие. А вдруг он передумал и решил, что больше, чем на одну ночь, со мной связываться не хочет? В конце концов расстались мы на куда менее радужной ноте.

– Леди Рейвен. – Я настолько погрузилась в свои мысли, что даже вздрогнула, не заметив, когда он успел ко мне подойти. – Прошу вас воспользоваться моим экипажем для возвращения в департамент. Служебный я отослал.

– Почту за честь, ваша светлость, – церемонно кивнула я.

Карета ожидала своего владельца на выходе из тупика. Кучер распахнул дверцу, Кьер предложил мне руку, и я, спохватившись, торопливо стянула перчатки, в которых осматривала тело. Уж лучше нарушить правила приличий, прикасаясь обнаженными пальцами к руке малознакомого (ха-ха!) мужчины.

Да, декорации для встречи все же отчаянно романтичные – он, она, дождь, труп...

– У тебя ледяные руки, – объявил герцог и флигельно устроился рядом, а не напротив, как полагалось бы. Дверца захлопнулась, и спустя несколько мгновений карета тронулась с места. – Замерзла?

– Долго ждали фотографа.

Кьер взял мою ладонь, сжал, согревая, а затем потянул на себя, заставив перекочевать с сиденья к нему на колени.

– И кто из нас теперь мокрый и холодный? – хмыкнул он и не дал ответить, прижимая к себе сильнее, целуя жадно, напористо, словно только этого момента и ждал все три дня. Отличный способ согреть, между прочим! И никакой магии!

– Как ты здесь оказался? – Я чуть отстранилась, не обращая внимания на недовольно сверкнувший взгляд – успеется еще.

– Я попросил главного констебля выдать по всем постам распоряжение, чтобы меня лично извещали сразу же, как только появится еще один подобный труп. Собственно, как раз для того, чтобы сократить время бюрократической волокиты.

– И что, тебе обязательно надо было являться сюда? Разве недостаточно было отправить распоряжение со своей подписью?

– Достаточно. – Кьер кивнул и ухмыльнулся. – Но я знал, что ты сегодня дежуришь.

– С каких это пор начальник департамента отслеживает график дежурств рядовых криминалистов? – поддразнила я, запуская пальцы в черные волосы и откидывая челку с его лба.

– С тех пор, как рядовые криминалисты не уделяют должного внимания начальнику департамента, – проворчал герцог, чуть сильнее стискивая меня в объятиях. – Хочешь, освобожу тебя от дежурств?

– Только попробуй! – я ткнула его пальцем в грудь

– Хорошо, – слишком спокойно согласился герцог и быстро стало ясно почему: – Тогда все эти выходные ты проводишь со мной. С вечера пятницы.

– Но... – я даже не поняла, захотелось мне возразить из принципа или по каким-то другим соображениям, но озвучить мне их в любом случае не дали.

– Иначе освобожу от дежурств, – припечатал крайне довольный собой шантажист.

– Не посмеешь! – возмутилась я.

– Я – не посмею?

– Я обижусь!

– На то, что я хочу провести с тобой время?

Шах и мат. Я оскорбленно поджала губы. Связалась с придворным интриганом! Все слова наизнанку вывернул и сидит довольный. Надо будет мне как-то поднатореть в словесных пере-

палках, а то я пока только на родителях тренируюсь, а у них все аргументы быстро сводятся к тому, что я неблагодарная и бессовестная.

Герцог откинулся на спинку сиденья и теперь только молча наблюдал за моей крайне выразительной в тот момент, я полагаю, мимикой. Мне очень хотелось показательно сползти с коленей, усесться напротив и с независимым видом уставиться в окно. Но, во-первых, это было бы совершенно неаргументативно и по-детски. А во-вторых, уж больно тепло и хорошо мне на этих самых коленях сиделось и больно удобно прижималось к широкой груди. Что это я должна отказывать себе в маленьких радостях только из-за того, что владелец колен и груди такой негодяй?

Долго, впрочем, раздумывать над непростым выбором и не пришлось – карета остановилась у широких мраморных ступеней здания департамента.

Дремлющий у входа вахтер даже подскочил при появлении Кьера, спросонья и по старой военной привычке отдавая честь. Герцог на приветствие кивнул.

– В скором времени полиция должна доставить труп мужчины, проследите, чтобы его разместили в морге. Криминалисты займутся им завтра.

Я вздохнула. Не то, чтобы я рассчитывала самостоятельно сегодня ночью проводить экспертизу и вскрытие, Трейт меня за это бы расчленил по-живому, и никакой герцог бы меня не спас – но внезапно пришло осознание, что завтра мне полагается выходной после дежурства, и меня здесь в принципе не будет. Можно, конечно, попробовать остаться, но начальство отправит меня домой в приказном порядке. Уж такую возможность от меня избавиться хотя бы на день Найджел Трейт не упустит.

Вспомнив, что я еще, вроде как, обижена, я повернулась и успела сделать аж целых два шага в сторону отдела криминалистики, где мне полагалось продолжить дежурство, как властный голос меня окликнул.

– Леди Рейвен. Будьте так любезны проследовать со мной в кабинет. Я хочу выслушать подробный отчет о том, что нам известно об убийстве на настоящий момент.

На третий этаж, во владения начальника департамента мы поднялись в тишине, однако стоило толстой двери из красного резного дерева закрыться за моей спиной, я все же поинтересовалась:

– Ты в курсе, что это называется использованием служебного положения в личных целях?

– Отчего же? – Кьер не торопился зажигать большие лампы, а вместо этого швырнул стук пламени в камин, где тут же бодро заплясали оранжевые язычки, озаряя комнату неярким, но очень теплым светом. – Я действительно хочу выслушать твой отчет. Присаживайся.

Он с такой вежливо-любезной улыбкой отодвинул для меня одно из стоящих перед столом кресел, что я тут же начала подозревать его в чем-то определенно недобром.

– Я тебе уже все рассказала. – Тем не менее, я с достоинством опустила на предложенное сиденье. – О чем-то еще отчитываться можно будет только после выяснения личности и детального исследования трупа, которое, я так полагаю, будет проводить уже господин Трейт и, скорее всего, без меня.

Герцог ухмыльнулся, кажется, распознав в моих интонациях нотки почти детской обиды. Он обошел свой стол и принялся пролистывать лежащие на нем бумаги одной рукой, в то время, как другая, скользила по пуговицам сюртука, неторопливо их расстегивая.

– Так я пойду? – Я взялась за подлокотники, намереваясь подняться.

– Куда? – крайне искренне озадачился Кьер, стянул сюртук и небрежно бросил его на спинку кресла. – О, Трейт, наконец, отчитался по результатам повторного, более детального вскрытия первой жертвы. Кажется, что-то новенькое. Не хочешь взглянуть?

Я ожидала, что он протянет мне бумаги, но нет. Герцог продолжал стоять, где стоял, улыбаясь как асбисский сфинкс. И я отчетливо ощутила себя мышью, которую заманивают в мышеловку ароматным кусочком сыра. Принципы, гордость и еще не до конца испарившееся

желание ответно щелкнуть его по носу твердили, что поддаваться не стоит. Но мне так отчаянно захотелось сыра...

Я поднялась, неторопливо приблизилась и, слегка потеснив начальство, склонилась над разложенными бумагами.

– Любопытно...

– Что? – Две тяжелые руки опустились по обе стороны от меня, спины коснулась грудь, а плечо тронуло горячим дыханием.

– Здесь сказано, что... – Это самое дыхание двинулось правее, обожгло не защищенную тканью кожу, приблизилось к уху. Я сглотнула и продолжила, не обращая внимания на учащенное сердцебиение. – Что есть новые детали о личности...

– И? – Грудь прижалась теснее, губы дотронулись до мочки, не поцеловав, а просто прихватили на мгновение, и тут же выпустили и едва ощутимо прочертили линию вдоль шеи.

– Мужчину в дружеских кругах звали Добрый Старый Виски, и он был завсегдатаем и... – Линия прочертилась обратно вверх, на этот раз кончиком носа. Кьер зарылся им в чуть влажные от дождя волосы, а правая рука оторвалась от столешницы и легла мне на талию. Говорить ровно становилось все сложнее. – И известным все в тех же дружеских кругах пропойцей, рекорды которого по количеству выпитого побить мало кому удавалось.

– И почему это любопытно? – пальцы с талии медленно поползли в сторону пуговиц блузки.

– Убийца ведь вырезал ему печень. Можешь считать это черным криминалистическим юмором, но...

Тут герцогу играть надоело. Он стремительно меня развернул, прижал к столу, и фразу «любопытное совпадение» я выдохнула уже ему прямо в губы. Не выпущенные из рук бумаги смаялись со скорбным шелестом.

Кьер прервал поцелуй лишь на несколько секунд, чтобы стянуть с себя рубашку, и только тогда мои пальцы разжались, и отчет полетел на пол. Потому что занимать руки несколькими листами, когда в непосредственной близости находится горячая гладкая кожа, соблазнительно подсвеченная язычками каминного пламени – это просто кощунство.

– Я... вообще-то... на дежурстве! – все-таки выдохнула я из вредности, не особенно, впрочем, пытаясь вырваться – а все равно бесполезно! – и уж тем более не пытаясь перестать щекотать, гладить, впиваться пальцами в перекачивающиеся под кожей жесткие мышцы.

– Леди Рейвен, вы свободны под мою ответственность. Все, я тебя сменил.

Кьер закончил воевать с застежками юбки, и та покорно сползла к мои ногам, после чего он подхватил меня под бедра и усадил на стол.

– Но теперь ты на дежурстве. И чем занимаешься?! Герцог, как не стыдно! Какой пример вы подаете подчиненным? – Меня распирали смех и пьянящий искристый восторг от того, что я вызываю в этом мужчине столь нетерпеливое желание.

– Недостаточно хороший, если ты, в отличие от меня, еще до сих пор одета! – щекотно фыркнул Кьер.

Я расплылась в улыбке и, подцепив край, стянула полураспахнутую блузку через голову. Крючки корсета Кьер растянул сам, чуть не выдрав, сорочка тоже полетела на пол. Он обхватил меня за талию одной рукой, плотно прижимая живот к животу, другая сжала грудь, губы впелись в шею, балансируя на грани жесткости, но все же за нее не переступая.

Я откинула голову назад, выгнулась дугой и поцелуй скользнул ниже, сомкнувшись вокруг соска. Кьер ухватил его, потянул, и я не смогла удержать стоны, впилась ногтями в его плечи, обхватила ногами, прижимаясь вплотную к туго натянутой ткани брюк.

Рывок вверх – герцог заставил меня выпрямиться, прижаться всем телом. И снова я в полной мере ощутила себя беспомощной, ведомой. И снова этому ощущению совершенно не

хотелось сопротивляться. Мне было абсолютно все равно, что он со мной делает, пока это приносит такое удовольствие.

Кьер с нажимом провел ладонью по моей спине, вдавливая, впечатывая в себя, обхватил основание шеи, прижался лбом ко лбу, опалая губы тяжелым жарким дыханием. И поцелуй на этот раз был неторопливым, вдумчивым даже, медленным...

Море, подумалось мне. Набежало на пляж бурлящим пенистым потоком, и отступило, оставляя после себя влажный след на песке. Только для того, чтобы через несколько мгновений новая волна, набирая высоту, устремилась к берегу, сбивая с ног, накрывая с головой.

И она не замедлила последовать. Я даже не заметила, когда Кьер успел избавить меня от остатков одежды, как вдруг остро ощутила его вторжение. Он вошел резко, сразу, сорвав с моих губ очередной всхлип-стон. И двигался так же – то врываясь почти до упора, то отступая. И я послушно качалась на этих волнах, чувствуя, как они уносят меня все дальше и дальше, где на водной глади сияют ослепительные блики отраженного солнца.

А потом море вынесло меня, тяжело дышащую, опустошенную, на берег, лизнув напоследок плечо, шею, губы.

Наваждение отступало, оставляя вместо сияющих на солнце брызг, полумрак кабинета, освещенного теплым светом камина, вместо песка – отполированную поверхность стола, вместо холодных волн – горячие ладони мужчины, оглаживающие мои бедра.

Я выпустила его плечи, провела пальцами по отпечатавшимся лункам ногтей, поцеловала их. Кьер боднул меня головой, как ласкающийся кот, и, отстранившись, принялся одеваться.

Несколько секунд я любовалась движениями его рук и игрой света и тени на коже, после чего соскочила со стола и последовала его примеру. Белье, сорочка, корсет, блузка, юбки... надо ли говорить, что у меня это заняло гораздо больше времени? Хорошо хоть в этот раз герцог догадался не трогать волосы, и прическа вполне сохранила свой первозданный вид.

Я затягивала последний бант – на поясе юбки, когда Кьер подошел сзади, положил руки на талию и коротко поцеловал меня в висок.

– Я передумал, – известил он. – Надо оставлять тебя на дежурства как можно чаще.

– У тебя странные представления о дежурных обязанностях криминалистов! – Я провернула в его ладонях, чтобы оказаться лицом к лицу.

– Я здесь главный, мне решать, что входит в обязанности криминалистов, а что нет. – Кьер сурово поджал губы, но глаза его смеялись.

У меня на языке вертелась пара язвительных замечаний на тему того, что о такой дополнительной нагрузке скажут остальные работники отдела криминалистики, принадлежащие исключительно к мужскому полу, но я все же решила оставить их при себе.

– Мне надо идти. – Я попыталась сделать шаг назад, но тяжелые ладони на талии не пустили.

– Зачем?

Глупый вопрос. Я одарила герцога недоверчивым взглядом, но тот смотрел спокойно и испытующе и явно ожидал ответа.

– Во-первых, я все-таки на дежурстве, у меня есть дела, и я должна быть там, где меня при необходимости могут легко отыскать. А во-вторых, мне бы не хотелось, чтобы меня можно было легко отыскать среди ночи в кабинете главы департамента с ним наедине.

– Хорошо.

Ладонь двинулась по талии в верх, пальцы коснулись подбородка, приподняли его навстречу поцелую...

– Выходные. С вечера пятницы. Я обо всем позабочусь.

Несмотря на суровый, отнюдь не вопросительный тон, я отчетливо слышала просьбу, замаскированную строгой формулировкой. Она читалась в глазах, в пальцах, едва ощутимо

поглаживающих кожу. И я знала, что Кьер позволит мне ускользнуть, если я не пожелаю разделить с ним эти два дня.

Вот только я желала. И от того приказного тона, каким он давал понять – он желает не меньше, – у меня колени слабели, и губы пересыхали, и становилось жарко, и сердцебиение снова ускорялось.

Я кивнула.

– Но только учти. Там у тебя возможности сбежать не будет, – добавил герцог. После чего ушел к себе за стол и, как ни в чем ни бывало, принялся рассматривать собранные с пола, порядком, стоит заметить, измятые бумаги.

Я недоуменно нахмурилась и, чуть помедлив, молча вышла.

Там?..

Сбежать? Да вовсе я и не...

Ну ладно, сбегаю, призналась я сама себе, спускаясь по лестнице. Но у меня, знаете ли, опыта в подобных отношениях нет, чтобы сходу себя в них, как рыба в воде, чувствовать! И сейчас мне проще уйти, чем думать о том, что дальше. Пока что у нас общего только разговоры о работе и занятия любовью. Я вспомнила сегодняшнюю прелюдию и улыбнулась – и разговоры о работе во время занятий любовью. Хочу ли я, чтобы этого общего было больше? И на самом ли деле хочет он или делает вид, потому что «так надо»?

...И могла ли я подумать, впервые зайдя в этот кабинет, чем я однажды буду там заниматься?..

– Леди Рейвен, герцог Тайринский просит вас зайти. – Я даже не успела заметить, кто заглянул в секретариат и принес эту счастливую весть. В департаменте, в общем-то, любые новости так сообщались – едва ты взгляд поднимешь, кто там, как уже только дверь на петлях поскрипывает – но привыкнуть к этому еще не получалось. Прислуга себе такого не позволяла, а студенты всегда были не прочь любую новость обсудить в подробностях, кто, куда, почему... Еще отбиваться приходилось от вестников, жаждавших выяснить, а зачем именно меня вызывает декан.

Вот уж неожиданность. С чего бы вдруг?

Я поднялась, оправила юбки, мимоходом пожалела, что нигде по пути не висит зеркала, и поспешила на третий этаж в святая святых.

С того дня, когда глава департамента почтил лабораторию своим присутствием, дабы лично поприветствовать «господина Рейвена», я видела герцога только пару раз мельком и уж вовсе не ожидала приглашения в верховный кабинет. В отличие от большинства работников департамента, мое назначение на должность эксперта-криминалиста досадной ошибкой герцог не счел (хотя возможно потому, что это была его ошибка – подписал, не глядя, назначение на того, кто в конкурсе победил, и нате вам, получил даму вместо господина). И в его взгляде, конечно, сквозило любопытство с тенью сомнения, но за дверь он меня не выставил, пожелал удачи в нелегком труде и был таков. Как потом выяснилось, герцог имел привычку всех новых работников приветствовать. Наверное, чтобы знали начальство в лицо.

Любви-нелюбви к нему среди служащих было примерно поровну, хотя уважали все. И все отмечали, что редко так везет, когда глава департамента действительно делом занимается, а не получает королевский оклад за то, что с задумчивым видом изучает лепнину на потолке, а то и вовсе на работе появляется раз в неделю, бумажки подписать. У герцога рабочий день был пусть и ненормированный – то засидеться допоздна, то явиться только к обеду – но он был действительно рабочий. Да и вообще, если подумать, глава департамента был фигурой интересной, но думать об этом как-то раньше и не приходилось.

Ждать меня не заставили. Секретарь при моем появлении негромко известил в переговорный амулет, что леди Рейвен пожаловала. Ответа я не услышала, но мужчина поднялся и распахнул передо мной дверь кабинета.

По дороге от порога до кресла напротив широкого стола из красного дерева, я, не удержавшись, бросила несколько любопытных взглядов вокруг. Уютная рабочая обстановка, надо признать. Я бы тоже не отказалась от камина и дивана, на котором можно отвлечься от рутины и выпить чашечку чая. А вот вскинув глаза на герцога, я буквально напоролась на ответный взгляд. Глава департамента наблюдал за мной пристально и, кажется, не упустил ни малейшего вдоха.

– Присаживайтесь, леди Рейвен.

– Благодарю, ваша светлость.

Я опустилась в кресло и чинно сложила руки на коленях. Осанка – прямая, голова – чуть склонена, взгляд – внимательно-покорный, все как полагается.

– На вас поступила жалоба от господина Трейта, леди Рейвен.

Привычную, удобную маску удалось удержать с трудом. Вот ведь... жук! Навозный! На ум лезли куда более крепкие выражения – чего только не нахватаешься у студенческой братии – но выбранная роль даже мысленно себе таких не позволяла.

– Вот как? – Это и растерянная улыбка – все, что имелось в моем распоряжении.

– Он утверждает, что вы не справляетесь со своими обязанностями.

Ну все!

Я поджала губы и глядя начальству в глаза невозмутимо проговорила:

– Если бы господин Трейт позволил мне заниматься моими обязанностями, возможно, у меня получилось бы справляться с ними чуточку лучше.

– Что вы имеете в виду?

Герцог смотрел на меня все с тем же нескрываемым, даже в какой-то степени оскорбительным любопытством, и я начала догадываться, почему разборками между рядовым работником и начальником отдела занимается глава департамента лично, а не один из его заместителей.

– Только то, что я потратила пять лет на учебу не для того, чтобы быть секретарем, работу которого я, прошу заметить, выполняю безукоризненно и беспрекословно. И если господин Трейт считает иначе, то он мог бы нанять секретаря и позволить мне делать то, что я делать совершенно точно умею, что подтверждают мой диплом, рекомендации преподавателей и результаты конкурса.

Тишина.

Не перегнула ли я палку? Любопытство любопытством, но не решит ли начальство, что столь самоуверенные девицы ему даже из интереса в подчинении не нужны и ну-ка ее от греха подальше, проблемой меньше.

Герцог молчал всего несколько секунд, но за это время я уже успела попроситься с работой и прикинуть, что делать дальше. Хорошие специалисты не торопятся покидать столу, если податься куда-нибудь на периферию, то шансы могут возрасти...

– Вы очень смелая женщина, леди Рейвен.

Я чуть вздрогнула. Голос герцога, низкий, но не басистый, заполняющий собой пространство, как и его широкоплечий обладатель, прозвучал как-то чуточку иначе. Но в чем именно была разница, я уловить не смогла.

– Но мне кажется, вы взвалили на себя непосильную ношу.

– Неужели? – Льда в моем голосе хватило бы на добрую сотню ведерок с шампанским, хотя внутри заклокотал, готовясь к извержению, вулкан.

– Поверьте, мне глубоко импонирует ваша исключительная целеустремленность, но для женщины вашего происхождения вы выбрали совершенно неподходящую профессию. Не

потому, что не можете ей заниматься. – Герцог обладал способностью читать мысли, иначе мне не объяснить, как он успел задавить на полувдохе зарождающийся гневный протест. – А потому что вы не найдете здесь одобрения и поддержки. Я могу нанять вас, но не могу заставить подчиненных пересмотреть взгляды на жизнь, в общем и целом, согласитесь, достаточно обоснованные.

– Мне не нужно ни одобрение, ни поддержка, ни помощь, ни снисхождение. Но было бы просто великолепно, если бы мне просто не мешали делать мою работу. Особенно с учетом того, что это необходимо департаменту, а не мне. Я могу и дальше бумаги с места на место перекладывать и получать за это оклад криминалиста, но какой в этом смысл? Увольняйте меня, если будет угодно, но сама я не уйду, что бы там еще ни придумал многоуважаемый господин Трейт.

Глава департамента снова молчал, очевидно, обдумывая мои слова. Он откинулся на спинку стула – блестящие черные волосы падают на лоб, глаза чуть прищурены, на губах едва заметная улыбка (весело ему!).

Мне вдруг подумалось, что герцог все же крайне привлекательный мужчина. И не женат. Какая партия! Девушки на выданье из уважаемых семей наверняка волосы друг другу выдергивают в надежде заполучить его в мужья. Но увы, только охмурить герцога недостаточно. «Руки» высшей аристократии были слишком великой ценностью, распоряжаться которой имел право только его величество лично, поэтому жениться без королевского одобрения герцог не мог. Впрочем, если сам он достойную кандидатуру не поберет, то вполне может отправить под венец по указке. И если прикинуть, что герцогу Тайринскому около тридцати, то недолго ему осталось наслаждаться холостой жизнью. Самый возраст для заключения удобного короне союза и производства наследников титула.

Почему я об этом думаю? Все маменькино дурное влияние и бесконечные нотации и необходимости бросить все усилия на поиски подходящей партии.

– Хорошо. – Герцог, наконец, принял решение, выпрямился, плечи расправились, и мне даже примерещилось, будто сюртук на них затрепал. – Я поговорю с господином Трейтом, попрошу его дать вам шанс.

Я поднялась и присела в реверансе, понимая, что аудиенция окончена.

– Благодарю, ваша светлость.

– Всего доброго, леди Рейвен.

Пальцы соскользнули с отполированного дерева перил. Я кивнула вахтеру, проходя мимо, получила кивок в ответ – заметил, понял, буду знать, где искать, – и направилась во владения криминалистов на первом этаже.

Дать мне шанс в понимании Найджела Трейта означало перевести меня из секретариата в лабораторию и вручить вместо старых отчетов грязные склянки, инструменты, столы и прочая. Уборщицам рабочий инвентарь не доверяли – опасное дело, и обычно каждый эксперт чистил его за собой сам, теперь же это стало моей задачей. Не знаю, с чего вдруг господин Трейт решил, что меня это смутит, остановит и заставить со слезами сбежать из департамента. А может быть, он рассчитывал, что я пойду жаловаться, и тут-то меня уже завернут – а не слишком ли много вы хотите, миледи? В любом случае, его планам не суждено было сбыться. Я рада была оказаться поближе к основному действию и впитывала все происходящее в лаборатории, как губка, пока руки делали знакомую по годам обучения рутинную работу.

Более того, некоторые из коллег даже сочли, что Трейт перегибает палку и прониклись ко мне сочувствием, особенно, когда убедились, что драгоценным инструментам в моих руках действительно ничего не грозит. А один из них – мужчина средних лет по имени Тарн Гейл – даже позволял мне ему ассистировать, если начальника не было поблизости.

Одна беда – на розовое масло для рук средств стало уходить гораздо больше...

Так что от меня высокому начальству жалоб не поступало. Чего не скажешь о господине Трейте, решившем, видимо, взять герцога измором. И Кьер ведь мог бы его одернуть, стукнуть кулаком по столу, вовсе даже не ради меня, а просто, чтобы не надоедал по пустому и решенному. Но я подозревала, что герцога Тайринского высокохудожественные, одухотворенные и проникновенные речи Найджела Трейта о никчемности некой леди сильно забавляли. А в ключе новых отношений с этой леди – еще больше.

Зараза.

Мысли вновь устремились на третий этаж, закрутились вокруг дьявольских глаз и слов, сказанных низким будоражащим голосом, но я решительно погнала их прочь. Все, хорош. У меня работа. О личном будете думать в свободное время, леди Рейвен.

Я вошла в лабораторию, зажгла свет и посмотрела на часы. До окончания дежурства оставалось еще добрых пять часов. После холода улицы и стремительного разогрева в герцогском кабинете в сон стало клонить с удвоенной силой. Приготовив себе на лабораторной газовой горелке кофе (к этому тайному знанию, передающемуся от новичка к новичку за спиной Трейта, которого удар бы хватил от подобного использования лабораторного имущества, меня приобщили не так давно), я уселась с чашкой за дежурный стол и, прихлебывая маленькими глотками обжигающий напиток, принялась заполнять в журнал детали вызова.

Вообще мне повезло. Первой, ну почти, оказаться на месте убийства очередной жертвы нашего маньяка, которому в лаборатории уже лениво подбирали кличку, но пока достойного варианта не нашли, – это большая удача. Память бережно сохранила малейшие омерзительные детали сцены и в том, что касается именно этого убийства у меня теперь есть небольшой козырь. Результаты вскрытия может изучить любой эксперт и неограниченное количество раз. А побывать на месте можно лишь единожды. Малейшая деталь может иметь значение.

Я посмотрела на свою запись. «15 сентября, 2 часа 47 минут пополуночи, тупик между номерами 6 и 8 по Конюшей улице...». Что-то, а мою руку в дневнике издали видно. Чистописание у остальных экспертов заметно хромает!

Помедлив мгновение, я перелистнула четыре страницы назад и нашла первое убийство.

«1 июля, 6 часов 23 минуты пополуночи, порог номера 14 по Звездной улице...»

Позже выяснилось, что в этом доме погибший и проживал. Не дошел. Труп обнаружила соседка, прибывший на место эксперт-криминалист с констеблем постановили, что убийство, пусть и загадочное в связи с удалением органа, к магии отношения не имеет. Слегка завышенные показатели амулетов списали на погрешность, и труп забрали в полицейский участок.

Я перевернула страницу обратно.

«18 июля, 4 часа 58 минут пополуночи, Королевский сквер...»

По счастливой случайности в эту ночь дежурил тот же самый криминалист, которого теперь легкое завышение показателей и знакомый «почерк» на теле насторожили. Был подан и одобрен запрос на передачу тел в департамент по контролю магии.

Расследование шло ни шатко, ни валко. Никаких значимых зацепок и по сей день найти не удалось. Дело грозило зарости паутиной под кипой более насущных и решаемых. Особенно в свете того, что преступник затаился. И хоть все криминалисты до единого были уверены – не навсегда – работы в отделе было более, чем достаточно, чтобы еще бегать за привидением.

Начальство, впрочем, это не устраивало. Газеты продолжали вяло бубнить на тему некомпетентности и нагнетать страхи, его величество высказывал свое «фи» герцогу, а тот любезно передавал королевскую благодать по цепочке вниз. Трейт, в конце концов, не выдержал, взвился, заявил, что ему не хватает работников и потребовал увеличить штат на еще одну единицу.

Ох, как он теперь об этом требовании жалел...

Пророчества сбылись: спустя три недели после того, как я вышла на работу, – новый труп. И вот теперь, через восемь дней еще один.

Страницы шелестели туда-сюда, взгляд бездумно скользил по неровным разномастным строчкам. Все же странно, что между убийствами такая разница во времени. Две с половиной недели, больше полутора месяцев и неделя. Сроки меня смущали.

Смущало и другое.

У убийцы всегда есть мотив...

Перед глазами живо нарисовалась круглая фигура профессора Штайна. Он до сих пор носил давно вышедшие из моды клетчатые брюки, без конца вытирал потеющую лысину, говорил с картавым алемарским⁵ акцентом, любил обводить аудиторию подслеповатым взглядом поверх пенсне и угощал студизусов пряными хлебцами, которые в тоске по родине пекла его жена. И при всем этом был одним из самых строгих преподавателей кафедры. Я пересдавала его экзамен два раза и лишь тогда удостоилась проходного балла и удовлетворенного: «Оказывается, и из леди можно сделать человека!».

У убийцы всегда есть мотив. Согласно статистике полицейских протоколов, самым распространенным мотивом являются неприязненные отношения. На втором месте стоят деньги. На третьем – «гоковые ст'гасты». Пока не будет выяснено окончательно, есть ли хоть какая-либо связь между жертвами, первый и третий можно отодвинуть.

Деньги...

Я пощекотала нос кончиком пера. Ограблены жертвы не были. Раздеты – да, но одежда и личные вещи валялись тут же, рядом с телом. Заказное убийство? Да кому надо заказывать того же нищего пропойцу? Все, кому он мог насолить, его не постеснялись бы и лично прихлопнуть. Вырезанные органы могли идти на продажу, но все же этот финансовый аргумент тоже казался мне сомнительным. Разве что на продажу для...

Черные ритуалы, запретная магия, поклонение языческим богам... сюда же сумасшествие разной степени – это в картину, на мой взгляд, вписывалось гораздо больше, и я возлагала большие надежды на завтрашнюю, вернее, уже сегодняшнюю беседу с отцом Гербертом.

Инициатива была моя личная, естественно, поэтому и отправлялась я к нему в свой последежурный выходной. Я не сомневалась в компетентности коллег, а из отчетов знала, что со специалистом на эту тему они уже беседовали, но с другим. Мне же хотелось узнать мнение человека, который произвел на меня неизгладимое впечатление своим умом, знаниями и чувством юмора, качеством для священника уникальным. Он трижды читал нам лекции, и под впечатлением от них, одну из курсовых я посвятила криминалистической характеристике оккультных преступлений, а во время написания частенько забегала в его приход за консультацией.

Все же как жаль, что мне не побывать на вскрытии. До женщины меня тогда тоже не допустили... сиди теперь пятый труп жди.

Я похвалила себя за неугасаемый оптимизм и веру в силы маг-криминалистов и мысленно поправила пятый труп на повторное вскрытие. Откинулась на спинку стула, баюкая в ладонях еще теплую чашку.

Накануне самого первого в моей жизни – и жизни всех моих соучеников, будущих криминалистов-первокурсников – вскрытия меня, помню, знатно потряхивало. От злости. Потому что, выходя из кабинета, я помедлила и краем уха услышала, как студенты спорили, в какой именно момент я упаду в обморок, кто из них будет меня ловить и за какие части тела в процессе «ловления» хотел бы подержаться. Хотя нет, насчет последнего они не спорили, а были удивительно единодушны. Фантазии – ноль.

В тот день я была крайне признательна традиции, по которой леди без нюхательных солей, можно сказать, и не леди, и опытным сочувствующим старшекурсникам, посоветовавшим не завтракать...

⁵ Алемара – страна к востоку от Ланланда, общей границы не имеют

Мысли текли вяло, переплавлялись из одного в другое, и изначальное намерение хорошенько посидеть над делом маньяка отступало под незаметно надвигающимся гнетом дремы. Вот бы нам сюда диван из кабинета Кьера...

Хотя и стул, если подумать, тоже вполне ничего...

Первым на работу, словно невзначай, явился Тарн Гейл и громко хлопнул дверью, разбудив. Так что к появлению Трейта, спустя десять минут (он тоже совершенно случайно прибыл на полчаса раньше обычного – удивительная тяга к труду!), я была уже бодра, жизнерадостна и излучала прежний трудовой энтузиазм, заставляющий первого криминалиста скрипеть зубами. А уж когда я обрадовала его новостями о свежем трупе, у любимого начальника чуть челюсти в песок не раскрошились – так он их сжал.

Ну а потом меня ожидаемо выставили за дверь.

Зябко ежась, я нырнула в сентябрьское утро, подернутое туманной дымкой. Промокший ботинок за остаток ночи так и не высох и хорошего настроения не прибавлял, как и настойчивый гнусавый вопль в спину:

– Мэм! Постойте! Да стойте же! Мэм!

Я на всякий случай обернулась, чтобы рывкнуть на ту даму, которую узвался уже голосистый кавалер, и с удивлением осознала, что вопль этот звучал в мой адрес. И исходил от извозчика, безуспешно пытающегося привлечь мое внимание. Приблизиться вплотную ему мешали высаженные по бульвару деревья.

– В ваших услугах не...

– Уже оплачено, мэм. Господин маг велел отвезти, куда пожелаете. Звонкой монетой заплатил, уж извольте услужить, мэм. Домчу с ветерком!

– Ветерка мне еще только не хватало, – проворчала я, плотнее запахивая пальто. – Какой еще господин маг?

– Высокий такой, чернявый. Он мне вас, мэм, преточно описал. И заплатил хорошо. И если не исполню, все как приказано, то сработает проклятие страшное магическое и отсохнет у меня часть тела важная, незнамо какая, так что вы уж, будьте ласковы, полезайте в экипаж. Хорошо заплачено, и частей тела у меня, знаете ли, неважных и нет совсем почитай.

Ну, Кьер! Высокий-чернявый...

Я сцедила улыбку в воротник и с немалым облегчением забралась в пролетку. Назвав извозчику адрес, я откинулась на жесткую кожаную спинку и поняла, что так и продолжаю безотчетно улыбаться.

Дом встретил меня убийственным ароматом свежих булочек. И наверняка на столе уже стояла вазочка с моим любимым вишневым джемом, и чайник, полный крепкого свежезаваренного чая, и блюдо с прозрачными лимонными дольками, и сахарница с любимыми серебряными щипцами в виде ракушек...

Я мученически вздохнула, беззвучно притворила дверь, умудрившись не щелкнуть замком и на цыпочках двинулась к лестнице, стараясь не шуршать юбками.

Задумка провалилась на третьей ступеньке снизу. Проклятой скрипящей третьей ступеньке! Первым делом с зарплаты я найму мастера и почию эту чертову третью снизу ступеньку!

– Марианна, леди Эрилин вернулась и желает завтракать! – звонкий голос виконтессы Амелии Рейвен прошел все стенные перегородки, умудрившись не сорваться при этом на крик.

Горничная возникла в дверях столовой, сделала книксен, стараясь не поднимать на меня глаз. Круглые щеки предательски краснели. Находиться между двух огней, а если вернее, огнедышащих драконов ей категорически не нравилось, но что поделать, у всех свои издержки профессии.

– Леди Эрилин, завтрак...

– Спасибо, Марианна, не нужно. – Я продолжила подниматься по лестнице. – Мама, я не голодна! Я устала и хочу спать!

Мой крик был куда менее изящным, до маменькиного уровня владения голосом мне еще расти и расти. А, возможно, не дорасти никогда.

– Марианна! Леди Эрилин просит, чтобы завтрак подали ей в спальню, – непрерываемо прогремело мне в ответ.

Горничная посмотрела на меня жалобно-вопросительно, и я кивнула, закатив глаза. Дорогая матушка со мной не разговаривала, но ушные перепонки всех обитателей дома от этого почему-то страдали только больше.

Бессонная ночь после целого рабочего дня сдавливала виски железным обручем. Пара часов полудремы на жестком стуле облегчения не принесли, поэтому прямо сейчас я мечтала только о постели. И даже герцога в ней, окажись он там каким-то чудом, восприняла бы исключительно в качестве подушки.

Сбросив одежду неаккуратной кучей прямо на пол, я распустила волосы, украсив беспорядок россыпью шпилек. Кровать манила к себе свежестью и обещаниями крепкого сна, но я сначала направилась в ванную. Быстренько смыть с себя ночные приключения и тогда – спать!

Проснувшись я в первом часу дня, а вот подняться с постели смогла только во втором и то лишь потому, что через два часа меня ждала встреча с отцом Гербертом, а до церкви Святого Виссария в северном рлье Карванона⁶ еще добраться надо. Уж слишком приятно было дремать, утонув в подушках и в кои-то веки ни о чем не думать.

Пока я спала Марианна унесла одежду, а шпильки сложила на туалетный столик. Завтрак стоял рядом с кроватью, где я его, поразмыслив, и оставила. Булочки своей прелести не потеряли, и даже наоборот приобрели, когда вместе с разумом проснулся голод, но сейчас было время ланча, а в меня влезет либо одно, либо другое. И для душевного спокойствия всей семьи будет лучше, если я поем под бдительным взглядом маменьки.

Я потянулась до хруста в костях и дернула за шнурок серебряного колокольчика возле кровати.

А когда я вымытая, одетая, причесанная, одним словом – ожившая, спустилась в столовую, то с немалым облегчением обнаружила, что стол накрыт на одну персону.

Брат, ясное дело, на службе. Энсин⁷ Карванонского полка мечтал о блистательной военной карьере, спасении жизни самого короля и, таким образом, восстановлении родовой чести. Мечты и устремления эти, в отличие от деятельности его бестолковой сестрицы, матушка всячески поддерживала и поощряла.

Отец целыми днями или пропадал по делам или безвылазно сидел в кабинете, разложив бумаги, как дама юбки. Кровь виконтов Рейвенов текла в его жилах, заставляя бросать все силы на преумножение, а если быть вернее, воссоздание семейного состояния. В чем-то он весьма преуспел. Родовое поместье за пятнадцать лет фактически воскресло из небытия, начав приносить доход достаточный для того, чтобы родители по окончании ссылки смогли перебраться в столицу и обеспечить нам жизнь пусть не роскошную, но минимально соответствующую людям нашего положения.

Маменька же взвалила на себя непосильную ношу возвращения семьи Рейвен в столичное аристократическое общество. Старые подруги, давние знакомства, «случайные» встречи в парках, ни к чему не обязывающие утренние визиты и щебетанье за чашечкой чая. Дело осложняли мы с братом – оба еще не обзаведшиеся собственной семьей. Почтенные леди не без оснований полагали, что виконтесса Рейвен не прочь выгодно пристроить чад, но выгода

⁶ Столица Ланланда

⁷ Младшее офицерское звание, чаще всего энсины командуют отрядом, отвечающим за полковое знамя.

в таком браке была бы исключительно односторонняя, а потому встречали матушку радушно, но на ужины и приемы звать не торопились.

«Вода камень точит», – печально вздыхала она и нежно перебирала тонкими пальцами прямоугольники визиток, хранившихся в большой малахитовой шкатулке.

И только леди Эрилин Рейвен вместо того, чтобы приносить хоть какую-то пользу, лишь угрожала благополучию и без того страдающего семейства.

А что я могла? Сопровождать маменьку не вариант. Я пусть и достигла уже преклонного возраста для потенциальной невесты, но более, чем привлекательна и к тому же не дура. Дамы с сыновьями боялись лишний раз пускать меня в дом, а дамы с дочерьми опасались конкуренции.

Помогать отцу в делах? Он бы хотел, но... семейной коммерческой жилки, которую в высших кругах принято прикрывать везением, я была лишена начисто. И даже получи я образование в этой области, вряд ли смогла бы быть действительно полезной. Что поделаться, если нужным талантами меня Господь обделил, одарив вместо этого какими-то совершенно для леди бестолковыми.

В тон моим мыслям невыносимо зачесалось под правой лопаткой, и я потерлась о спинку стула, раздраженно чувствуя себя беспородной блохастой дворяжкой. Опять колебания фона? Вечно после них печать то зудит, то ноет...

Я бросила взгляд на часы, ужаснулась и перестала уныло катать горошины по тарелке.

Пальто, шляпка с вуалью, перчатки, прямая осанка, приподнятый подбородок – спустя двадцать минут леди Эрилин Рейвен покинула особняк на Молочной улице.

Карванон – неровный круг, очерченный серыми гранитными стенами – был поделен на девять округов, и план его, выложенный цветным камнем на Ратушной площади, был похож на гигантский цветок. Желтая монетка посередине – Центр – Королевский холм, сердце столицы и буферное кольцо парков, отделяющее его от всех остальных округов. А от него лепестки. Красный Север – фабричные районы. Оранжевый Северо-Восток – ремесленные кварталы. Розовый Восток – речной порт. Зеленый Юго-Восток – торговля. Голубой Юг и Синий Юго-Запад – жилые кварталы. Фиолетовый Запад – военный и тюремный округ. А по насмешке судьбы рядом с ним Черный округ Северо-Запад, трущобы.

На самом деле четким деление на округа было лишь пару веков назад, когда каждый лепесток был огорожен еще и замковой стеной, разделявшей столицу на девять городков. Карл V, отец ныне правящего Эдгара VII, еще в юности велел эти стены разобрать и пустить на строительство общегородских укреплений в виду грозящего военного конфликта с Форсией⁸ и стесненного бюджета. Конфликт погрозил-погрозил да и рассосался с помощью удачного брака, а собирать полуразобранные стены обратно стеснило бы бюджет еще больше.

Первыми расползлись по всему городу торговцы. За ними потянулись фабрики, уверенно тесня в обе стороны и трущобы, и ремесленников. Часть трущобных жителей перебралась в порт, часть в подопустевший Зеленый округ и теперь там вылизанные до блеска бульвары дорогих бутиков чередовались с проплешинами дешевых рынков, куда, не приковав кошелек на цепь, сунуться было страшно. В жилых кварталах жители побогаче подобрались, брезгливо поджались к Центру, уступая окраины расплодившимся увеселительным заведениям и отгородившись от них слоем среднего класса. И только военный округ почти не претерпел изменений.

Ланландский всенаучный университет, в котором из леди сделали человека, десять лет назад находился прямо под боком у королевского дворца, символизируя монаршую просвещенность. Однако Эдгар VII решил, что с него просвещенности не убудет, если юные, шумные и время от времени даже буйствующие соседи переедут чуточку подальше. Самую малость.

⁸ Страна к северо-востоку от Ланланда, с которой королевство имеет самую протяженную границу.

Всего-то за Волчий Лес – дикий парк, некогда отделявший Центр от Черного округа. Мы, его величество король, даже озаботимся построить целый университетский городок, снеся несколько сотен ночлежек (а на деле подремонтировав их до уровня студенческих общежитий) и возведя блистательное мраморное здание Нового Ланландского всенаучного университета. Здание действительно блистало, особенно на солнышке, а крысы... да где их нет, этих крыс, ну если по правде-то?

Так что, благодаря приятному соседству, в столице я чувствовала себя уверенно, несмотря на то, что прожила большую часть сознательной жизни в глухой провинции. Вздрагивать от каждого шороха быстро устаешь, а избегать слишком опасные места учишься еще быстрее. И хотя из общежития я со второго же года обучения съехала – спасибо папеньке и его предпринимательскому таланту – на съемную комнатку у почтенной вдовы в Голубом округе, опыт жизни там оказался незабываемым.

Поэтому гулять по всей столице пешком я не боялась. И даже любила.

Каблуки звонко стучали по мостовой. В воздухе пахло осенью – дождем, мокрой желтеющей листвой. Узкие дома Молочной улицы быстро сменились широкими фасадами особняков людей состоятельных. Родители к выбору места жительства подошли ответственно. Резиденция виконта Рейвена стояла ровно на границе двух миров – среднего класса и аристократии – вроде бы здесь, а вроде бы там. И дешевле, и достоинство не уронить.

Мне предстояло прогуляться по «верхушке» Синего округа, пройти сквозь Янтарный парк, насквозь весь Центр и дальше, через Северные сады в самое сердце Красного округа, где между стекольным заводом и ткацкой фабрикой возвышалась узкая, словно стиснутая двумя этими мрачными невыразительными зданиями церковь Святого Виссария.

В ней было пусто. Еще бы, разгар рабочего дня. Прихожане отца Герберта все поголовно трудились на окрестных фабриках, зарабатывая себе на жизнь и гробя ее же. Маги-целители почти все проходили практику в Красном округе.

Пылинки плясали в цветных витражных лучах, а воздух наполняло негромкое, но веское и густое бормотание – отец Герберт репетировал вечернюю проповедь. Заметив меня, он оторвался от записей, выпрямился, приветливо улыбнулся и двинулся мне навстречу. Узкое лицо, близорукий прищур серых глаз, седые виски, белоснежная сияющая колоратка под острым подбородком – священник на первый взгляд казался человеком тяжелым и резким, что совершенно не соответствовало действительности.

Мы встретились посередине нефа. Я присела в почтительном реверансе, священник взял меня за плечи и одарил отеческим поцелуем в лоб.

– Простите меня, святой отец, я согрешила. – Моих губ коснулась улыбка.

– Отпускаю тебе грехи твои, дочь моя, – совершенно серьезно отозвался отец Герберт.

– Что, даже не спросите, какие именно?

Следуя приглашающему взмаху руки, я опустилась на длинную деревянную скамью.

– Убила кого-нибудь? – деловито осведомился священник.

– Нет, – я оскорбленно помотала головой.

– Обесчестила?

– Скорее наоборот, – пробормотала я себе под нос.

Отец Герберт ухмыльнулся и попытожил:

– Ну а все остальное, дочь моя, в нашем жестоком мире поправимо. Оставим беседы о Боге тем, кто в них нуждается, Он пустословия не любит. Ты писала, что нужна помощь.

Я приосанилась и поведала отцу Герберту обо всем, что мне было известно в связи с убийствами и о собственных приоритетных версиях – черные ритуалы и старые культы. Я посетовала, что не могла взять из отдела фотографии с мест убийств, но святой отец расспрашивал так досконально, в таких деталях, что под конец, я была убеждена, что картину он себе составил совершенно точную.

Отец Герберт задумался, потирая подбородок.

– Если сходу, Эрилин, то я думаю, что ваши специалисты не ошиблись. Любой культ я могу отместить сразу же – ни одно божество из тех, в кого веруют люди, не примет в дар больной орган. Это абсолютное неуважение к высшим силам.

– А если убийца просто не знал о пьянстве? Мы же тоже не сразу выяснили...

Священник покачал головой.

– Ни один священнослужитель не возьмет первую попавшуюся жертву. Из тех же соображений. Всех без разбору когда-то резали только во имя Кровавого Бога Мцани, но его последователям было далеко до изящества вашего убийцы. Не даром до сих пор на жертвенных алтарях все рисуют юных девственниц. Дело не только в чистоте и непорочности – но и в жизненной силе. Так что жертв отбирают тщательно, чтобы божество было довольным. Даже если у остальных жертв нет проблем со здоровьем, я не верю, что возможен такой прокол с первой. Что же касается запретной магии и черных ритуалов... магия оставила бы яркие следы.

– Их могли затереть, – возразила я.

– Могли, – согласился отец Герберт. – Но тогда их затерли бы полностью, а не забывай, мы живем в столице.

Я недоуменно нахмурилась, пытаюсь разгадать загадку, и почти сразу сообразила:

– Затереть можно только всю магию!

И правда, нас же учили этому. В Карваноне находятся две магические школы, не говоря уже о тысячах работающих магов. Магический фон здесь никогда не бывает совершенно спокойным, и все амулеты считывают его с поправкой. И если бы они вдруг выдали полное отсутствие фона, тела бы сразу же перешли к нам.

– Именно. Столичные маги-преступники предпочитают маскировать чары, запутывать их, постепенно уводя след в никуда, или же... ну да ты и сама знаешь.

И правда, знала. И сейчас корила себя за глупое предположение о затирании. Как быстро растрясются знания с университетской скамьи. Надо будет взять за привычку перечитывать конспекты. А еще лучше пару книжек нужной тематики для домашнего чтения купить. Важно только, чтобы мама через плечо демонстрационные иллюстрации не увидела...

– Ну а ритуалы, – продолжал отец Герберт. – Меня смущает такая нерегулярность. Ритуалы, как правило, это четкий, строгий набор правил, по которым их и можно отследить. Такие скачки во времени для них не характерны. Да и протяженность... но с полной уверенностью утверждать не буду, еще покопаюсь в вопросе, переговорю с парой знакомых специалистов. Если что-то найду – дам знать.

– Спасибо, святой отец.

Я поднялась. Было самую малость досадно – в глубине души мне по-детски хотелось верить в чудо и как можно быстрее утереть нос Трейту. Но чудес не бывает. Как бы это ни провокационно звучало в храме Господнем.

– Не за что, дитя мое. Береги себя.

Я вышла из церкви, постояла несколько мгновений, запрокинув голову и разглядывая небо, затянутое дымом и паром, закопченные трубы и местами разбитые провалы окон. Вдохнула и зашагала обратно.

Людской водоворот, немного чуждый после особенной церковной тишины, легко утянул меня за собой под хриплые надрывающиеся вопли мальчишек-газетчиков: «Убийство! Убийство! Убийство на Конюшей! Кровавые подробности! Живодер снова вышел на охоту!».

Живодер, значит. Ну вот и поименовали...

Роль 3. Сестра милосердия

– Умру во цвете лет и никому – никому! – до этого нет дела!

– Вы как всегда преувеличиваете, маменька, – сдержанно отозвалась я, слишком занятая отсчитыванием капель. Под беспрестанные причитания делать это было ох как непросто. – Тридцать шесть, тридцать семь...

– Что ты там бормочешь? Молитву? Я еще не настолько умираю, Эрилин! Но начну! Начну прямо сейчас! Где мои капли?

Я только закатила глаза и продолжила отсчитывать.

На часах – шесть утра, в родительской спальне остро пахло мятой, от которой у меня у самой уже голова шла кругом. Я – в пеньюаре поверх ночной сорочки, лохматая, как ведьма, и бледная от недосыпа, как вампир, стояла и наблюдала, как мучительно медленно падали в стакан капли из пузатого коричневого пузырька с завлекательной надписью: «Сироп доктора Вифля. Семь бед – один ответ!». А все почему?

А все потому, что Марианна отпросилась на три дня к себе в деревню на свадьбу младшей сестры. Замену она себе, естественно, подыскала, матушка ее одобрила, обе проинструктировали, так что девушка вчера весь вечер ходила с круглыми глазами и деревянной осанкой. Наверное, боялась лишний раз тряхнуть головой и расплескать ценное знание.

Но доверить приготовление лекарства «не-Марианне» маменька никак не смогла.

А вдруг она не умеет считать? Хорошо, вдруг она не умеет считать до семидесяти пяти? А вдруг просчитается, а вдруг недосчитается? А вдруг разобьет?..

Отец при первых же душераздирающих столах малодушно сбежал в кабинет на первом этаже, а я, констатировав, что заткнуть уши подушкой не выходит, а песнь умирающего лебедя и не думает стихать, отправилась исполнять дочерний долг.

Жест маменька, кажется, оценила, ибо теперь снова со мной разговаривала.

Семьдесят три, семьдесят четыре, семьдесят пять!

– Вот, маменька, держите ваше зелье.

– Микстуру! – строго поправила многоуважаемая виконтесса, пропустив шпильку мимо ушей.

Она приняла у меня стакан, зажмурившись, опрокинула в себя его содержимое, как заправский пьяница, и содрогнулась всем телом.

– Прекрасно! Просто прекрасно! Я уже чувствую себя лучше. Доктор Вифль просто волшебник, он творит чудеса. Я тебя всенепременно к нему запишу, он наверняка поможет.

– С чем, мама?

– Ты себя в зеркало видела, дорогая моя? Побледнела, осунулась... привидение, а не уважающая себя леди. Уважающая себя леди и разбуженная среди ночи должна выглядеть нежным полураспустившимся розовым бутоном...

«Нежный бутон» в моем сонном лице широко зевнул, прикрыв рот ладошкой, и поплелся в сторону своей спальни. До официального подъема еще сорок минут, и, если повезет, может еще получится их проспать, а не проворочаться.

Зато к завтраку умирающая виконтесса спустилась первой.

Наше семейство, где все не слава богу, редко когда собиралось за трапезой в полном составе. Отец выходных не знал и мог пропадать по своим делам в любое время дня и ночи. У брата служба, которая предполагала утреннюю, дневную, вечернюю и ночную вахту. У меня рабочий день, задержки в лаборатории и дежурства. Маменька по этому поводу ежедневно скорбела и поминала добрым словом жизнь в глуши и размеренные семейные застолья.

Поэтому, когда случалось так, что все мы оказывались за одним столом, настроение у нее тут же поднималось, а смертельные недуги, атакующие со всех сторон, мгновенно отступали.

На лестнице я столкнулась с братом, и в столовую мы спустились чинно, рука об руку, под его недовольное сопение. Кажется, он наконец-то подобрал аргументы на тему того, почему мне не стоит видиться с герцогом, но донести их сейчас не мог – услышат.

Однако начаться завтрак не успел.

«Не-Марианна» нервно присела при нашем появлении и тут же протянула мне плотный желтоватый конверт с крупной сургучной печатью департамента.

– Вам, миледи, доставили только что.

Я опустила на стул и, отмахнувшись от «Эрилин, сначала поешь!», с хрустом вскрыла печать. В конверте обнаружились два прямоугольных билета на поезд и письмо. Стоило мне развернуть сложенный втрое лист, как наискосок поверх мелких строчек вспыхнула сиреневым надписью: «Алиби. Но билеты тебе пригодятся», – и тут же угасла, не оставив и следа.

Я метнула взгляд на родителей, но те, кажется, ничего не заметили.

– Что там, дорогая? – любопытствовал отец, и я вернулась к письму.

«Донести до вашего сведения... в связи с нездоровьем... срочная командировка...». Что?!

Сдержать эмоции мне все же удалось и, подняв глаза на застывших в ожидании родственников, я с милой улыбкой сообщила.

– Сегодня вечером я уезжаю в Тарнхил. Там произошло схожее убийство. Необходимо убедиться, что это не наш Живодер и опросить свидетелей. Должен был ехать мой коллега, но он серьезно заболел. Вернусь в воскресенье после полудня.

– Это возмутительно! – мама оскорбленно поджала губы. – Что они себе позволяют? Отправлять тебя, к каким-то трупам, в выходные...

– Они позволяют мне выполнять мою работу, мама, – ответила я и вздохнула. Ах, если бы это было правдой! – А теперь прошу меня извинить, мне надо собрать вещи.

И обрушить проклятия на голову одного герцога, наивно полагающего, что леди способна собраться в двухдневную поездку за пятнадцать минут!

– А как же завтрак?... – скорбно полетело мне вслед.

В итоге нужные вещи я просто покидала на кровать, приказав «не-Марианне» к вечеру их утрамбовать в чемодан. Торопливо проглотила, не чувствуя вкуса, принесенные в комнату блинчики, запив обжигающим крепким чаем, и поспешила на работу, на бегу завязывая бант шляпки. Еще не хватало опоздать!

И надо же было на лестнице снова столкнуться с Греем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.